

ИЗБРАННОЕ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ИЗБРАННОЕ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

ИЗБРАННОЕ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

*Предисловие, составление
и подготовка текста*
В. Л. О Р Л О В А

Оформление художника
А. В Л А С О В О Й

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Мы еще недостаточно хорошо знаем русскую поэзию нашего века. В историко-литературных обзорах и учебных пособиях картина ее сильно обеднена. Не замалчивая и не затушевывая того, с чем мы не миримся сегодня, так же как не мирились вчера, и с чем не примиримся никогда, мы должны разобраться в том на редкость пестром, сложном и противоречивом, чем была поэзия первой четверти XX столетия. В частности — в творчестве Марины Цветаевой. Сейчас, по прошествии полувека с той поры, как появились первые стихи Цветасвой, и двадцать лет спустя после того, как ее не стало, можно с уверенностью сказать, что в нашей поэзии это явление не случайное и не временное.

1

Марина Ивановна Цветаева родилась в Москве 26 сентября 1892 года. По происхождению, семейным связям, воспитанию она принадлежала к трудовой научно-художественной интеллигенции. Отец ее — сын бедного сельского попа, выросший в таких «достатках», что до двенадцати лет сапог в глаза не видел, — трудом и талантом пробил себе дорогу в жизни. Он стал известным филологом и искусствоведом,

профессором Московского университета, директором Румянцевского музея и основателем Музея изящных искусств (ныне Музей имени Пушкина, у подъезда которого прибита мемориальная доска в честь И. В. Цветаева). Мать — из обрусевшей польско-немецкой семьи, натура художественно одаренная, музыкантша, ученица Рубинштейна.

Детство, юность и молодость Марины Цветаевой прошли в Москве и в тихой подмосковной (калужской) Тарусе, отчасти — за границей (Италия, Швейцария, Германия). Стихи она начала писать с шести лет, печататься — с шестнадцати, а два года спустя, в 1910 году, еще не сняв гимназической формы, тайком от семьи, выпустила довольно объемистый сборник — «Вечерний альбом». Он не затерялся в потоке стихотворных «первин», затоплявших тогда прилавки книжных магазинов. Его заметили и одобрили такие влиятельные и взыскательные критики, как, например, В. Брюсов. Были и другие сочувственные отзывы. Вслед за первым появилось еще два сборника Цветаевой — «Волшебный фонарь» (1912) и «Из двух книг» (1913).

В это время она жила уже очень напряженной душевной жизнью. Устойчивый быт уютного дома в одном из старомосковских переулков, неторопливые будни профессорской семьи — все это было внешностью, под которой уже начинал шевелиться «хаос» настоящей, не детской поэзии. В прошлом было совсем раннее, вспыхнувшее в 1905 году и быстро погасшее увлечение романтикой революции — народовольцами, лейтенантом Шмидтом и даже популярными в то время политическими брошюрами «Донской речи». Все это выветрилось без следа и остатка. В юности Цветаевой овладевает уже нечто совершенно иное: наивно-романтический культ... Наполеона и его незадачливого сына — «орленка». Культы соответствуют и литературные вкусы юной бонапартистки. Кумирами ее становятся эффектный Ро-стан (воспевший «орленка» в известной мелодраме), экспансивно-эстетская поэтесса де-Ноайль и знаменитая в свое время Мария Баш-

кирцева — рано скончавшаяся художница, интимным дневником которой зачитывалось не одно поколение романтически настроенных девиц. Это была литература не очень высокой пробы. Цветаева же упрямо держалась за нее, и в этом был своего рода вызов, — тем более что художественные пристрастия Цветаевой, конечно, не ограничивались такой литературой: с детства она была погружена в Пушкина, в юности открыла для себя Гете и немецких романтиков.

У Цветаевой был трудный, неуступчивый, неровный характер. Люди, знавшие молодую Цветаеву, говорят о резкой изменчивости ее настроений, о постоянно борющихся ее душевных противоречиях.

В одном из стихотворений Цветаева вспоминает о двух своих бабках — простой сельской попадье и гордой польской панне:

Обеим бабкам я вышла внучка —
Чернорабочий — и белоручка!

Поначалу так причудливо и совмещались в ней две души, два обличья: чинная «барышня», поклонница Ростана, погруженная в книжно-романтические грезы, и своевольная, дерзкая «бунтарка», которая больше всего любит дразнить людей и «смеяться, когда нельзя».

Однажды Цветаева обмолвилась по какому-то чисто литературному поводу: «Это дело специалистов поэзии. Моя же специальность — Жизнь». Знаменательная обмолвка! Жила она сложно и трудно, не знала и не искала ни покоя, ни благоденствия, всегда была в полной неустроенности, сама признавалась, что «чувство собственности» у нее «ограничивается детьми и тетрадами». Она хорошо знала себе цену как поэту, но ровным счетом ничего не сделала для того, чтобы как-то наладить и обеспечить свою литературную судьбу.

И при всем том Цветаева была очень жизнестойким человеком («Меня хватит еще на 150 миллионов жизней!»). Она жадно любила

жизнь и, как положено поэту-романтику, предъявляла ей требования громадные, часто — непомерные. В ней громко говорила «языческая» жажда жизни как лучшей радости, высшего блаженства. Всякая мистика была ей органически чужда. Сама душа (не как метафора, а как понятие метафизическое) для нее — «христианская немочь бледная», «вздорная ересь», «пар», — тогда как тело, плоть существует реально и «хочет жить». В этом отношении Цветаева совсем не похожа на поэтов предшествовавшего поколения — символистов. Их поэзия по преимуществу была проникнута духом «неприятности мира здешнего» во имя призрачных «миров потусторонних», недоверием к жизни и страхом перед ней. Вся тональность поэзии Цветаевой совершенно иная. Вот один из характерных примеров — обращение поэта к Жизни:

Не возьмешь моего румянца —
Сильного, как разливы рек.
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.
Не возьмешь мою душу живую...

Правда, Цветаева нередко писала и о смерти, особенно в юношеских стихах. Но из этого не следует делать поспешные и далеко идущие выводы. Совершенно очевидно, что в ранних стихах это было не более как данью литературной моде. Символисты, как известно, заразили своими кладбищенскими настроениями все молодое литературное поколение. Писать о смерти было своего рода признаком хорошего литературного тона, и юная Цветаева не составила в этом смысле исключения, хотя «смертные» мотивы уже и тогда явно противоречили внутреннему пафосу и общему мажорному тону ее поэзии. Откликаясь на модную тему, она все же больше думала о себе — «такой живой и настоящей на ласковой земле». А в дальнейшем, в зрелых стихах, она говорила о смерти уже только как о биологической неизбежности.

Жизнелюбие Марины Цветаевой воплощалось прежде всего в любви к России и к русской речи. Но как раз при встрече с родиной поэта настигла жестокая и непоправимая беда.

Годы первой мировой войны, революции и гражданской войны были временем стремительного творческого роста Цветаевой. Она жила в Москве, много писала, но печатала мало, и знали ее только завзятые любители поэзии.

Октябрьской революции Марина Цветаева не поняла и не приняла. С нею случилось поистине роковое происшествие. Казалось бы, именно она со всей бунтарской завкаской своего человеческого и поэтического характера могла обрести в революции источник творческого воодушевления. Пусть она не сумела бы правильно понять революцию, ее движущие силы, ее исторические задачи, но она должна была по меньшей мере *ощутить* ее — как могучую и безграничную стихию. По всему, казалось бы, Цветаевой было по пути с Блоком, Маяковским, Есениным (заметим кстати, что Блока она боготворила, в Маяковском сразу разглядела самого значительного поэта новой эпохи, еще до революции по достоинству оценила Есенина). Но если Блок, Маяковский и Есенин, окрыленные Октябрьской революцией, пережили самый высокий творческий взлет, какой может выпасть на долю художника, то Марине Цветаевой она представилась всего лишь восстанием «сатанинских сил».

Цветаева всегда демонстративно заявляла, что никакая политика ее не интересует, что ничего в ней она не понимает и понимать не хочет. Но после Октября она стала до известной степени именно политическим, притом — контрреволюционным поэтом. Злобно отвернувшись от громоносной народной стихии, взорвавшей и испепелившей старый мир, она стала искусственно, как говорится — на пустом месте, воссоздавать свой образ «стихии», не имевший никакой опоры в действительности. Она занялась своего рода романтическим мифотворчеством: оплакивала прежнюю «белокаменную» и «колокольную» Москву и пыталась найти нечто героическое в «белом

движении» — то есть в том, что шло наперекор жизни, наперекор истории, что было заведомо обречено на бесславную гибель. Справедливость требует добавить, что и в понимании Цветаевой это был героизм обреченности. Своим стихам о «добровольческой армии» она предпослала знаменательный эпиграф: «Добровольчество — это добрая воля к смерти».

Что же заставило Цветаеву славить мертвое дело? Что связывало ее со старым миром? Ведь она была слишком равнодушна ко всякому «быту» и «порядку», чтобы оплакивать их крушение. Дух сытого благополучия, мещанского покоя, всяческого стяжательства и самодовольства был ей глубоко чужд и враждебен. Казалось бы, она с великой радостью должна была поджигать встхий и затхлый мир, а не стонать над пожарищем. Возобладали, очевидно, какие-то побочные мотивы, — может быть, навязчивые представления о «великой России», привычная идеализация ее исконных государственных и культурно-исторических начал. А больше всего, нужно думать, и в этом случае сказался столь свойственный Цветаевой фрондерский дух. Ей нравилось стоять «противу всех», ей льстила репутация «мятежницы лбом и чревом» — и она «бросила вызов», который, кстати сказать, никем не был принят всерьез.

В литературном мире Цветаева держалась особняком. С советской писательской общественностью контакта почти не имела, но и сторонилась той пестрой буржуазно-декадентской среды, которая еще задавала тон в литературных клубах и кафе. Сама Цветаева с юмором описала свое выступление на одном из тогдашних литературных вечеров. Это был специальный «вечер поэсс». Выступали по большей части разукрашенные по последней моде дамочки, баловавшиеся стишками. Цветаева шокировала их всей своей повадкой и всем своим видом: она была в каком-то несуразном, напоминающем подрясник платье, в валенках, перепоясанная солдатским ремнем, с полевой офицерской сумкой на боку... Но главное, что отличало ее от остальных участниц вечера, заключалось в том, что среди никчем-

ного птичьего щебетанья звучал голос настоящего поэта, читавшего отличные, хотя порой и страшно фрондерские стихи.

Советская власть не замечала этой надуманной фронды, уделила Цветаевой из своих скудных запасов паек, печатала ее книжки в Государственном издательстве («Версты», «Царь-девица»), а весной 1922 года разрешила ей с дочерью уехать за границу — к мужу, который был белым офицером, а к тому времени стал пражским студентом.

За рубежом Цветаева жила сперва в Берлине, потом — в Праге и в Париже. Поначалу белая эмиграция приняла ее как свою. Ее охотно печатали и хвалили. Но вскоре картина существенно изменилась.

Прежде всего, для самой Цветаевой наступило жестокое отрезвление. Действительность не оставила камня на камне от мифа о «русской Вандее». Муж Цветаевой (С. Я. Эфрон), прошедший с белой армией весь ее бесславный и преступный путь, нашел в себе достаточно чести и совести, чтобы отказаться от собственных иллюзий (об этом, в частности, свидетельствует его искренная статья «О добровольчестве», напечатанная в 1924 году). Он рассказал Цветаевой правду о «белом движении», и она не могла не признать этой суровой правды.

Знаменательно, что непосредственно политические темы, которым Цветаева отдала щедрую дань в стихах 1917—1921 годов, постепенно выветриваются в ее творчестве эмигрантского периода. Характерен и такой факт: Цветаева вывезла с собой из Советской России рукопись целого сборника стихов («Лебединый стан»), посвященных «русской Вандее»; убедившись, что за всем, о чем она здесь писала, не стояло ни исторической, ни человеческой правды, она так и не напечатала эту книжку, несмотря на многочисленные и настоятельные предложения.

Белоэмигрантская среда, с мышинной возней и яростной грызней всевозможных «партий» и «фракций», сразу же раскрылась перед

Цветаевой во всей своей жалкой и отвратительной нагоде. Цветаева и здесь пыталась сохранить некоторое подобие независимости: «Ни к какому поэтическому или политическому направлению не принадлежала и не принадлежу».

Постепенно связи Цветаевой с белой эмиграцией все более ослабевают и, наконец, почти рвутся. Ее печатают все меньше и меньше. Она пишет очень много, но написанное годами не попадает в печать или вообще остается в столе автора. После 1928 года ей не удалось издать ни одной книги. В частном письме 1933 года она сообщает: «В эмиграции меня сначала (сгоряча!) печатают, потом, опомнившись, изымают из обращения, почувяв не свое: тамошнее! Содержание будто «наше», а голос — ихний».

«Тамошнее» — значит советское, «ихний» — то есть советский. Конечно, ничего советского в том, что писала Цветаева, не было, но среди подавляющего большинства эмигрантов она в самом деле казалась белой вороной. Она не мирилась с черносотенством, яростно ненавидела расизм и фашизм, не разделяла зоологической ненависти к Советскому Союзу. И ни от кого этого не скрывала. С наиболее влиятельными литературными кругами белой эмиграции она находилась в самых натянутых, а позже — открыто враждебных отношениях.

Эмиграция выдвигала в качестве «своего» поэта лощеного сноба и ничтожного эпигона Георгия Иванова, который в ностальгических стихах томно стонал о «бессмысленности» существования или предавался пустопорожним «размышлениям», достойным Кифы Мокиевича. Цветаева же, решительно отказавшись от былых своих иллюзий, ничего не оплакивала и не предавалась никаким умильным воспоминаниям. В стихах ее звучали совсем иные ноты:

От вчерашних правд
В доме — смрад и хлам.
Даже самый прах
Подари ветрам!

Поэзия Цветаевой была монументальной, мужественной и трагической. Мелководье эмигрантской литературы было ей по ступню. Она думала и писала только о большом — о жизни и смерти, о любви и искусстве, о Пушкине и Гете... Независимость Цветаевой, самый дух и направление ее творчества раздражали и восстанавливали против нее большинство белоэмигрантских литераторов. Один из них — критик, считавшийся арбитром вкуса, — без обиняков говорил в печати о «полной, глубокой и бесповоротной для нас неприемлемости Цветаевой».

По-видимому, Цветаева не погрешила против истины, когда жаловалась в 1935 году (в частном письме): «Надо мной здесь люто издеваются, играя на моей гордыне, моей нужде и моем бесправиц (защиты — нет)». А нужда была действительно велика: «Нищеты, в которой я живу, вы себе представить не можете, у меня же никаких средств к жизни, кроме писания. Муж болен и работать не может. Дочь вязкой шапочек зарабатывает 5 франков в день, на них вчетвером (у меня сын 8-ми лет...) живем, т. е. просто медленно подышаем с голоду» (письмо 1933 года).

В таких лишениях, в таком одиночестве Цветаева мужественно работала как поэт. «Одна, всю жизнь, без книг, без читателей, без друзей, — без круга, без среды, без всякой защиты, причастности, хуже, чем собака, а зато... А зато — всё» (тому же корреспонденту). Всё — потому что с ней оставалась поэзия, ее «напасть», ее «богатство», ее «святое ремесло».

Немыслимо трудно работать художнику, когда он остается в таком безвоздушном пространстве, какова эмиграция, — без родной почвы под ногами, без родного неба над головой. Нужно обладать незаурядными душевными силами, чтобы в таких условиях сохранить хотя бы последнее — свою личность, без которой вообще нет и не может быть искусства. Ценой громадных усилий Цветаева сохранила свою личность, свою «душу живу».

К. счастью, в ней уже не осталось никакого снобизма, никакого эстетства. Она знала истинную цену и жизни и искусства и, живя в мире, где то и другое чаще всего оказывалось несовместимым, не закрывала глаза на их противоречия. Кончая свой трактат «Искусство при свете совести», она задалась таким старым и всегда новым вопросом: что важнее (в поэте) — человек или художник? И ответила: «Быть человеком важнее, потому что нужнее... За исключением дармоедов, во всех их разновидностях, все важнее нас». Откровенное признание! И тем не менее тут же Цветаева говорит, что ни за какие блага не уступит своего дела и места поэта. Она и была поэтом, только поэтом, всецело поэтом, поэтом с головы до ног. Ее трудная, нищая, бесправная жизнь изгоя была до краев заполнена неустанной работой мысли и воображения.

И вот что замечательно. Не поняв и не приняв революции, убежав от нее, именно там, за рубежом, Цветаева обрела трезвое знание о социальном неравенстве, увидела мир без каких бы то ни было украшающих покровов. И тогда-то проснулся в ней праведный, честный гнев настоящего художника — «святая злоба» на все, что мешает людям жить.

Самое ценное, самое несомненное в зрелом творчестве Цветаевой — ее неугасимая ненависть к «бархатной сытости» и всяческой пошлости. Попав из нищеты, голодной, только что пережившей блокаду России в сытую и нарядную Европу, Цветаева ни на минуту не поддавалась ее соблазнам. Первые же стихи, написанные Цветаевой за рубежом, запечатлели не парадный фасад Европы, а мир нищеты и бесправия, где можно наблюдать «жизнь без чехла». Речь идет о рабочих заставах, где пахнет потом и кровью, где слышится «расправ пулемет», заглушающий «рев безработных»; речь идет о «сырости и сирости», о «чернорабочей хмури», о больницах и тюрьмах, о «голосе шахт и подвалов», о людях, обиженных и затертых жизнью, — о тех, кто *прав* и в своем отчаянии, и в своем «зле».

В творчестве Цветаевой все более крепнут сатирические ноты. Чего стоит одна «Хвала богатым»! В этом же ряду стоят такие сильные стихотворения, как «Поезд жизни», великолепная «Ода пешему ходу» (от которой недаром отказался самый респектабельный из белоэмигрантских журналов — «Современные записки»), стихи из цикла «Стол», «Никуда не уехали...», «Читатели газет», отдельные строфы «Поэмы горы», в которых хлещет поистине обжигающая «лава ненависти» к жалкому «царству моллюсков».

В то же время с каждым годом в Марине Цветаевой растет и укрепляется живой интерес к тому, что происходит на родине. «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови, — писала она. — Не быть в России, забыть Россию может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри — тот теряет ее лишь вместе с жизнью». Но сперва это было только «чувством родины», вообще — родины, той России, которую поэт знал и помнил. Среди патриотических стихотворений Цветаевой есть одно удивительное — «Тоска по родине!..», где все, как и в «Хвале богатым», нужно читать «наоборот». Такие пронзительные, глубоко трагические стихи мог написать только поэт, беззаветно влюбленный в родину и лишившийся ее. С течением времени понятие «родина» наполняется для Цветаевой новым содержанием. Она начинает чутко прислушиваться к «новому звучанию воздуха».

Тоска по России, сказавшаяся в таких хотя бы стихотворениях, как «Рассвет на рельсах», «Русской ржи от меня поклон...», «Лучина», «О, неподатливый язык!..», сплетается с думой о новой родине, которую поэт еще не видел и не знает, — о Советском Союзе, о его жизни, культуре, поэзии, о «новоселах моей страны». Начинаются серьезные сдвиги и переоценки.

Вот очень показательный пример — заметка Цветаевой о Маяковском, появившаяся в одном из русских парижских журналов в конце 1928 года (Маяковский тогда был в Париже):

«28 апреля 1922 г., накануне моего отъезда из России, рано утром на совершенно пустом Кузнецком я встретила Маяковского.

— Ну-с, Маяковский, что же передать от вас Европе?

— Что правда — здесь.

7 ноября 1928 г. поздним вечером, выйдя из Café Voltaire, я на вопрос: «Что же скажете о России после чтения Маяковского?» — не задумываясь, ответила:

— Что сила — там».

Интерес к личности и творчеству Маяковского вообще чрезвычайно показателен для широты взгляда Цветаевой. Она правильно понимала и оценивала его как «первого в мире поэта масс», как наиболее полного выразителя народного духа и народной судьбы, который «своими быстрыми ногами ушагал далеко за нашу современность» и заставляет думать «на век вперед». Следует добавить, что сочувственное отношение Цветаевой к Маяковскому сыграло дополнительную роль в ее конфликте с белоэмигрантскими кругами (см. примечания, стр. 292).

Важное значение для понимания позиции Цветаевой, которую заняла она к тридцатым годам, имеет цикл «Стихи к сыну» (1932). Здесь она во весь голос говорит о Советском Союзе как о новом мире новых людей, как о стране совершенно особого склада и особой судьбы («всем краям наоборот»), неудержимо рвущейся вперед — в будущее, и в само мироздание — «на Марс». Во тьме дичающего старого мира самый звук СССР звучит для поэта как призыв к спасению и весть надежды. Стихи эти полемически заострены против самой расхожей темы белоэмигрантской поэзии — «плача на реках Вавилонских». За годы рассеяния «святая земля», увезенная с родины, стерлась в прах — буквально и фигурально. Она не существует даже как символ. Цветаева против фетишизма понятий и слов: Русь — достояние предков, Россия — не более как горестное воспоминание «отцов», которые потеряли родину и у которых нет надежды обрести ее вновь, а «детям» остается один путь — домой, на един-

ственную родину, в СССР. Вожди и идеологи белой эмиграции более всего были озабочены воспитанием у своей молодежи чувства ненависти к новой, советской России. Цветаева же трезво смотрит на вещи: «Наша ссора — не ваша ссора», — убеждает она молодое эмигрантское поколение.

Столь же трезво смотрела Цветаева и на свое будущее. Она понимала, что ее судьба — разделить участь «отцов». Но у нее хватило мужества признать историческую правоту тех, против кого она так безрассудно восстала.

Наступление фашизма, испанская трагедия, мюнхенская измена — все это вызвало в душе Цветаевой страстный протест. Последнее, что она написала в эмиграции, — цикл гневных антифашистских стихов о растоптанной Чехословакии, которую она нежно и преданно любила. Эти стихи ей уже негде было напечатать.

В 1939 году Марина Цветаева восстанавливает свое советское гражданство и возвращается на родину. Тяжело дались ей семнадцать лет, проведенные на чужбине. Она имела все основания сказать: «Зола эмиграции... я вся под нею — как Геркуланум, — так и жизнь прошла».

Цветаева поселилась в Москве, занялась переводами, готовила сборник стихотворений. Грянула война. Превратности эвакуации забросили Цветаеву в Елабугу. Тут-то и настиг ее тот «одинокства верховный час», о котором она с таким глубоким чувством сказала в своих стихах. 31 августа 1941 года, в связи с тяжелыми личными переживаниями, Марина Ивановна Цветаева покончила с собой.

2

Наследие Марины Цветаевой огромно и трудно обозримо. Несколько изданных ею книг вобрали в себя лишь малую часть написанного. Другая часть рассыпана по трудно доступным изданиям.

Многое остается вообще неопубликованным. Среди написанного Цветаевой, кроме сотен стихотворений, двенадцать поэм, семь стихотворных драм, автобиографическая, мемуарная и критическая проза. Обширное наследие это очень неравноценно. Есть в нем и то, что пережило свое время или было продиктовано соображениями случайными, злобой давно минувшего дня. Есть и просто неудачные вещи (и таких немало). Но лучшие стихи и поэмы Цветаевой останутся в русской литературе.

Цветаеву-поэта не спутаешь ни с кем другим. Стихи ее узнаешь безошибочно — по особому распеву, неповторимо оригинальным ритмам, необщей интонации. Это, конечно, верный критерий подлинности и силы поэтического дарования.

Сила эта заметно пробивалась даже в самых ранних, полудетских стихах Цветаевой — еще совсем незрелых, ученических.

Росла Цветаева очень быстро. Некоторые стихи, помеченные 1913—1915 годами, уже поражают удивительной энергией поэтического выражения самых обычных тем. Таковы, к примеру, ранние цветаевские шедевры — «Идешь, на меня похожий...» и «С большою нежностью...».

В дальнейшем, в стихах 1916—1920 годов, Цветаева вполне овладевает самобытной манерой и становится замечательным мастером стиха. Самая отличительная черта ее манеры — сильный и звонкий голос, так непохожий на распространенный в тогдашней лирике плаксивый тон или придыхательно-элегический шепот.

В стихах Цветаевой этого времени господствует буйное песенное начало. От русской народной песни — все их качества: открытая эмоциональность и бурная темпераментность, полная свобода поэтического дыхания, крылатая легкость стиха, текучесть всех стиховых форм, умение «вывести» из какого-нибудь одного слова целый рой образов, которые расходятся от него вширь — как круги по воде от брошенного камня. Отсюда же и весь «ландшафт» цветаевской лирики. Это «вольная Русь», высокое небо и широкая степь, ветер,

звезды, костры, цыганский табор, соловьиный гром, челны Степана Разина, скачка, погоня, ямщицкие бубенцы, «калужский родной кумач»...

В центре этого многокрасочного и многозвучного поэтического мира стоит столь же резко выявленный в своих национальных чертах образ лирической героини — женщины с «гордым видом» и «бродячим нравом», носительницы «страстной судьбы», которой «всё ни почем». Образ этот служит как бы стержнем, вокруг которого формируются и разворачиваются драматизованные лирические сюжеты Цветаевой. Героиня надевает разные личины и примеряет разные костюмы. То она «кабацкая царица», то бедовая острожная красавица, то таборная цыганка, то московская стрельчиха, то неукротимая боярыня Морозова, то надменная панна Марина...

В дальнейшем личины спадают, и открывается простое, без всяких декоративных украшений, женское лицо — лирический образ автора. Но стихия своевольства, душевного бунтарства навсегда останется той эмоциональной средой, в которой живет этот образ. Все стихи Цветаевой в совокупности создают целостное впечатление об одном характере (одном, но не неподвижном). Это — строптивая, гордая душа, «дерзкая кровь», не знающая удержу ни в страсти, ни в отчаянии, ни в любви, ни в ненависти, во всем жаждущая «безмерности»:

Другие — с очами и с личиком светлым,
А я-то ночами беседу с ветром.
Не с тем — итальяйским
Зефиром младым, —
С хорошим, с широким,
Российским, сквозным!..

Как видим, тема получила соответственное словесно-образное выражение. Устойчивые черты поэтического стиля Цветаевой — резкая экспрессия стихотворной речи, афористичность, молниеносные темпы, плясовые и песенные ритмы, богатая звуковая инструментов-

ка, легкая игра со словом, особого склада то лукавый, то задорный «говорок» («Ох, мой родный, мой природный, мой безродный брат!..» и т. п.).

Своим богатым арсеналом средств поэтической выразительности Цветаева пользуется расточительно и всегда по-разному. Из своей власти над стихом она умеет извлекать самые разнообразные эффекты. Возьмем, например, такое стихотворение, как «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...». Сколько в этих стихах затаенной страсти и энергии! Они — как туго натянутая пружина, которая вот-вот вырвется из рук. А вот совсем другие по тону и манере стихи: «Как правая и левая рука...» — пример редкой экономии, можно сказать — скупости стихотворной речи, настоящей афористичности ее. Другой пример такого же рода — превосходное стихотворение «Красною кистью...», в котором нет ни одного необязательного, «проходного» слова, а все только самые необходимые, и каждое забито как гвоздь — по самую шляпку. Или возьмем маленькое, восьмистрочное стихотворение «Не отстать тебе...», в котором все тот же вольный, неукротимый характер возникает буквально из ничего — из одной интонации: «Отпусти-ка меня, конвойный, прогуляться до той сосны...».

Народно-поэтические мотивы ярко окрашивают все творчество Цветаевой этой поры. Она обращается не только к песне, но и к частушке, «запалчке», своеобразным формам «заклятий» и «ворожбы», наконец — к сказке («Царь-девица» и «Молодец»). И все это не кажется стилизацией, то есть мертвой подделкой (как было это, скажем, у Бальмонта), но ощущается как полное погружение в чистую фольклорную стихию, как стремление передать современным стихом не только склад, но и самый дух народной песни и сказки. Но именно — современным стихом. Вживаясь во все тонкости народно-поэтической речи, усваивая ее ритмы, рифмы, эпитеты, экономную и точную образность, Цветаева ничего не теряла из своего, «цветаевского»:

Нет сосны такой прямой
Во зеленом ельнике,
Оттого что мы с тобой —
Одноколыбельники.

Не для тысячи судеб —
Для единой родимся.
Ближе, чем с ладонью хлеб, —
Так с тобою сходимся.

Но примерно в 1921 году в творчестве Марины Цветаевой обнаруживается явный перелом. Она начинает искать новые пути. Речь идет, конечно, о перемене *основного* тона, поскольку и раньше (как и потом) она не была однообразной. Но так или иначе — она все чаще изменяет свободной и широкой напевности ради монументального и торжественного «большого стиля».

От чисто лирических форм Цветаева все более охотно обращается к сложным лирико-эпическим конструкциям, к поэме, к стихотворной трагедии. И сама лирика ее становится монументальной: отдельные стихотворения сочетаются по принципу лирической сюжетности в целостные циклы, подчиненные особым законам композиции. В этом смысле нет заметной разницы между зрелой лирикой Цветаевой и такими ее поэмами, как «Поэма горы» и «Поэма конца», в которых тоже нет сюжета в строгом понимании этого слова, а движение стиха подчинено все той же лирической сюжетности, как способу передачи диалектики душевных состояний. Поэтому в своих поэмах Цветаева меньше всего рассказывает, повествует, но занята по преимуществу драматическим диалогом с неким остающимся «за сценой» собеседником.

Стих Цветаевой как бы отвердевает, утрачивает свою летучесть. В циклах «Ученик» и «Отрок» (1921) он становится торжественно-медлительным, приобретает черты одического «высокого слога»,

унащенного архаическим словарем и образами, почерпнутыми из античной и библейской мифологии.

И колос взрос, и час веселый пробил,
И жерновов возжаждало зерно...

Иерихонские розы горят на скулах,
И работает грудь наподобие горна...

В таких стихах есть что-то от поэтики XVIII века, от Державина, и не случайно Цветаева признавалась в любви к этому поэту.

Легко заметить, что «высокий слог» в зрелых стихах Цветаевой перемешан с «просторечием», книжная архаика — с разговорным жаргоном. Это было обдуманым приемом, и на свободном сочетании «высокопарности» (в старинном смысле слова) с «простотой» был основан особый эффект цветаевского стиля — та «важная простота», когда слово самое обиходное, подчас даже вульгарное обретает высокое звучание в ряду слов иного лексического слоя и в соответственном интонационном ключе.

Марине Цветаевой всегда было свойственно романтическое представление о творчестве как некоем вихревом порыве, захватывающем художника: «К искусству подхода нет, ибо оно захватывает». Поэт и дело поэта воплощались для нее сперва в образах несгорающей птицы Феникс и «легкого огня», позже — в образе «непредугаданной календарем» кометы, в катаклических понятиях «взрыва» и «взлома». Но дело художника — это не только согласие его со свободной стихией творчества, но и ремесло — то есть дело рук человеческих. Цветаева не гнушалась этого слова:

Я знаю, что Венера — дело рук,
Ремесленник — и знаю ремесло!

Поэтому наряду с буйством и хмелем в Цветаевой жила железная дисциплина художника, умеющего работать «до седьмого пота». Об этом она говорит и в стихах, составивших цикл «Стол», и в стихах, обращенных к Пушкину:

Прадеду — товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка —
Как своей рукой!

Пелось как — поется
И поныне так.
Знаем, как «дается»!
От тебя, «пустяк»,
Знаем, — как потелось!..

При всем том, будучи опытным мастером изощренной формы, Цветаева видела в ней лишь средство, а не цель поэзии. Доказывая, что в поэзии важна *суть* и что только новая *суть* диктует поэту новую форму, она спорила с формалистами: «Точно слова из слов, рифмы из рифм, стихи из стихов рождаются!» Поэтому даже в самых усложненных стихах Цветаевой, относящихся по преимуществу к двадцатым годам (потом, в тридцатые годы, стихи опять становятся заметно проще, яснее), нет характерной для формалистов неподвижности, окаменелости, ювелирной отделки ради нее самой.

Усложненность многих стихотворений и поэм Цветаевой, подчас сильно затрудняющая их восприятие, была вызвана, сколь это ни парадоксально, стремлением к точности и определенности. Она настойчиво стремилась выработать четкие стихотворные *формулы*, которые бы выражали мысль наиболее сжато и точно. В поэзии наблюдается разное отношение к слову. Есть слово — условный знак, эмблема, призванная выражать некие особые смыслы, — таким было ложно многозначительное слово символистов. Есть слово — стертый пятак, — им пользуются эпигоны. Слово Цветаевой не несет никаких

посторонних смыслов, оно значит только то, что значит: вещи, значения, понятия. Но у него есть своя важная особенность: это — *слово-жест*, всегда выражающее какое-то действие. Поэтому в поздних стихах Цветаева столь решительно отказывается от повествовательных интонаций и предельно сжимает свою речь, строит так называемые неполные предложения, в частности — сплошь и рядом обходится без глагольно-причастных форм: «И тогда — благодетельным покрывалом Долу, знаменем прошумя» (опущено: «падаю» или «опускаюсь»).

В этих поисках сжатости было что-то судорожное, и часто они приводили к серьезным художественным просчетам. Запутанный, «дикий» синтаксис, опущенные и подразумеваемые глаголы и тому подобные умолчания, свойственные, впрочем, живой разговорной речи (характерен в этом смысле диалог в «Поэме конца»), — все это зачастую создавало такую усложненность стихотворного языка, которую сама Цветаева очень верно определила (в применении к лирике Пастернака) как «темноту сжатости».

Есть поэты, воспринимающие мир посредством зрения. Их сила в умении смотреть и закреплять увиденное в зрительных образах. Цветаева не из их числа. Она заморожена звуками. Мир открывался ей не в красках, а в звучаниях. О себе она говорила: «Пишу исключительно по слуху», — и признавалась в «полном равнодушии к зрительности». В прислушивании поэта к звукам она видела основу словесного творчества: «Словотворчество есть хождение по следу слуха народного, хождение по слуху. Все же остальное — не подлинное искусство, а литература». Отсюда понятным становится, почему в поэзии Цветаевой такую громадную, можно сказать — решающую, роль играли приемы звуковой организации стиха, его инструментовка.

Главным средством организации поэтической речи был для Цветаевой *ритм*.

Ритм — это самая суть, сама душа поэзии Цветаевой. Она безжалостно разрушала привычную для слуха гладкую, плавную мело-

дню стихотворной речи, которую порой, читая стихи, воспринимаешь автоматически, как что-то давно и хорошо знакомое и само собой подразумевающееся. Не то у Цветаевой. Ее ритмика и мелодика все время настораживают наше внимание. Наиболее близкая ей стихотворная форма — страстный и потому сбивчивый монолог. Соответственно и самый стих ее по большей части прерывист, неровен, как дыхание взволнованного человека, изобилует внезапными ускорениями и замедлениями, паузами и резкими перебоями. Он как бы «спотыкается» на бесконечных «анжабеманах» (enjambements) — то есть «переносах», отмечающих несовпадение метрических и синтаксических членений стиховой речи (у Цветаевой обычны такие «переносы» не только из строки в строку, но и в другую строфу).

На беглый или поверхностный взгляд многие стихи Цветаевой могут показаться даже косноязычными. Но если не говорить о прямых просчетах, это было «высокое» косноязычие. Цветаева и в самом деле поэт не из легких. Читать ее стихи и поэмы между делом, не читать, а почитать, — как почитывают (и тут же забывают) легонькие «стишки», — нельзя. В Цветаеву необходимо углубиться, ее поэзия требует от читателя встречной работы мысли. Нужно применить известные усилия для того, чтобы войти в творческий мир поэта. Нельзя не признать, что иногда усилия эти остаются невознагражденными, но в большинстве случаев они позволяют увидеть обдуманную гармонию этого мира глубоких мыслей и смелых исканий. Читая Цветаеву, вспоминаешь высказанное некогда справедливое суждение: «Искусство — суровый властитель. Порой приходится долго ждать, пока оно соизволит заговорить с тобой».

* * *

Марина Цветаева — большой поэт, и вклад ее в культуру русского стиха XX века значителен. Но этот большой поэт пережил самую тяжелую для художника трагедию: он остался в стороне от

столбовой дороги истории. Жизнь, говорил Александр Блок, может простить художнику все грехи, кроме одного — измены духу времени. Марина Цветаева изменила духу своего великого времени и заплатила за это самой дорогой ценой.

Не приходится, конечно, ожидать, что сильная, но сложная поэзия Цветаевой станет всеобщим достоянием. Она сама понимала, что «для того, чтобы быть народным поэтом, нужно дать целому народу через себя петь». Себя же справедливо называла «одиноким духом». Но лучшему из того, что Марина Цветаева написала, «настал черед» — потому что настоящее в искусстве не умирает.

Вл. Орлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти —
Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Май 1913

* * *

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти, — слепоты куриной
И маков набрав букет, —
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду — ему вслед.
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

3 мая 1913

* * *

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все — как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой mine,
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель, и кавалькады в чаше,
И колокол в селе...
Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

К вам всем (что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?!)
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду *да* и *нет*,
За то, что мне так часто слишком грустно,
И только двадцать лет,

За то, что мне прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
Послушайте! — Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

ГЕНЕРАЛАМ
ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань господня
И сердце матери. Вчера —
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера!

Вам все вершины были малы
И мягок — самый черствый хлеб,
О молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна.

О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало — трое!
Лишь мертвый не вставал с земли!
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!

Что́ так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее —
И весело переходили
В небытие!

26 декабря 1913

БАБУШКЕ

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица —
Локоны в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли
И невозможностей сколько —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
Бабушка! Этот жестокий мятеж
В сердце моем — не от вас ли?..

4 сентября 1914

* * *

С большою нежностью — потому,
Что скоро уйду от всех, —
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

Кому — разнеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому — серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...

И всё записки и всё цветы,
Которых хранить невмочь...
Последняя рифма моя — и ты,
Последняя моя ночь!

22 сентября 1915

* * *

Посадила яблоньку:
Малым — забавоньку,
Старому — младость,
Садовнику — радость.

Приманила в горницу
Белую горлицу:
Вору — досада,
Хозяйке — услада.

Породила доченьку —
Синие оченки,
Горлинку — голосом,
Солнышко — волосом.

На горе — дэвицам,
На горе — мóлодцам.

23 января 1916

* * *

Никто ничего не отнял —
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую вас через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю: наш дар — неравен.
Мой голос впервые — тих.
Что вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, —
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
• Никто не глядел вам вслед...
Целую вас — через сотни
Разъединяющих лет.

12 февраля 1916

* * *

Откуда такая нежность?
Не первые — эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала темней твоих.

Всходили и гасли звезды, —
Откуда такая нежность? —
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие песни
Я слушала ночью темной, —
Откуда такая нежность? —
На самой груди певца.

Откуда такая нежность?
И что́ с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами — нет длинней?

18 февраля 1916

* * *

Настанет день — печальный, говорят! —
Отцарствуют, оплачут, отгорят, —
Остужены чужими пятаками, —
Мои глаза, подвижные, как пламя,
И — двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит — лик.

О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!

А издали — завидую ли и вас? —
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о живые,
Я ничего не возражу — впервые.

Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску.
Святая у меня сегодня пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду — я, и побредете — вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, —
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.

И ничего не надобно отныне
Новопреставленной боярыне Марине.

11 апреля 1916

ИЗ ЦИКЛА
«СТИХИ К БЛОКУ»

1

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое — пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам — в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое — ах, нельзя! —
Имя твое — поцелуй в глаза,

В нежную стужу недвижных век,
Имя твое — поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим — сон глубок.

15 апреля 1916

2

У меня в Москве — купола горят,
У меня в Москве — колокола звонят,
И гробницы, в ряд, у меня стоят,
В них царицы спят и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится, чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе — до зари.

И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...

Но моя река — да с твоей рекой,
Но моя рука — да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит зря — зари.

7 мая 1916

Должно быть, за той рощей
 Деревня, где я жила.
 Должно быть, любовь проще
 И легче, чем я ждала.

«Эй, идолы, чтоб вы сдохли!» —
 Привстал и занес кнут,
 И окрику вслед — охлест,
 И вновь бубенцы поют.

Над валким и жалким хлебом
 За жердью встает жердь,
 И проволока под небом
 Поет и поет смерть.

13 мая 1916

И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
 И ветром вздутый калужский родной кумач,
 И посвист перепелов, и большое небо,
 И волны колоколов над волнами хлеба,
 И толк о немце — доколе не надоест,
 И желтый-желтый — за синею рощей — крест,
 И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
 И имя твое, звучащее словно: ангел.

18 мая 1916

Без зова, без слова, —
 Как кровельщик падает с крыш.
 А может быть, снова
 Пришел, — в колыбели лежишь?

Горишь и не меркнешь,
 Светильник немногих недель...
 Какая из смертных
 Качает твою колыбель?

Блаженная тяжесть!
 Пророческий певчий камыш!
 О, кто мне расскажет,
 В какой колыбели лежишь?

«Покамест не продан!» —
 Лишь с ревностью этой в уме
 Великим обходом
 Пойду по Российской земле.

Полночные страны
 Пройду из конца и в конец.
 Где рот его — рана,
 Очей синеватый свинец?

Схватить его! Крепче!
 Любить и любить его лишь!
 О, кто мне нашепчет,
 В какой колыбели лежишь?

Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень,
Не лавром, а терном —
Чепца острозубая тень.

Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла!..
И снова родиться,
Чтоб снова метель замела?!
?

Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь?

А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром — труды.
Как в землю положен,
Быть может, — проспишь до трубы.

Огромную впалость
Висков твоих — вижу опять.
Такую усталость —
Ее и трубой не поднять!

Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

22 ноября 1921

* * *

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибор
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы —
Неоспоримо первенство Москвы.

И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

* * *

Не отстать тебе. Я — острожник.
Ты — конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

26 июня 1916

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов — за белой стеною — погост.
И на песке версицы соломенных чучел
Под перекладами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд.
Старая баба — посыпанный крупной солью
Черный ломоть у калитки жует и жует...

Чем прогневили тебя эти серые хаты,
Господи! — и для чего стольким простреливать грудь?
Поезд прошел и завыл, и завыли солдаты,
И запылил, запылил отступающий путь...

Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. — Ох, и поют же
Нынче солдаты! О, господи боже ты мой!

3 июля 1916

* * *

Москва! — Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем — нож.
Издалека-далече
Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болезнь —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце,
Червонное, горит.

И льется аллилуйя
На смуглые поля.
Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

8 июля 1916

ИЗ ЦИКЛА «БЕССОННИЦА»

1

В огромном городе моем — ночь.
Из дома сонного иду — прочь,
И люди думают: жена, дочь,
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет путь,
И где-то музыка в окне — чуть.
Ах, нынче ветру до зари дуть
Сквозь стенки тонкие груди — в грудь.

Есть черный тополь, и в окне — свет,
И звон на башне, и в руке — цвет,
И шаг вот этот — никому вслед,
И тень вот эта, а меня — нет.

Огни — как нити золотых бус,
Ночного листика во рту — вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам — снюсь.

17 июля 1916

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночь подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей
Про сторожа гуся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсті,
Пес был — сед.
Потом, к шести,
Начался рассвет.

20 июля 1916

* * *

Сегодня ночью я одна в ночи —
Бессонная, бездомная черница! —
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы!

Бессонница меня толкнула в путь.—
О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой! —
Сегодня ночью я целую в грудь
Всю круглую воющую землю!

Вздываются не волосы, а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех,
Кого жалеют и кого целуют.

1 августа 1916

* * *

Черная как зрачок, как зрачок сосущая
Свет, — люблю тебя, зоркая ночь.

Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
Песен, в чьей длани — узда четырех ветров.

Клича тебя, славословя тебя, я только
Раковина, где еще не умолк океан.

Ночь! Я уже нагладелась в зрачки человека.
Испепели меня, черное солнце — ночь!

9 августа 1916

* * *

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
Оттого что я на земле стою — лишь одной ногой,
Оттого что я о тебе спою — как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я закину ключи и псов прогоню с крыльца,
Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других — у той, одной,
Ты не будешь ни чей жених, я — ни чьей женой,
И в последнем споре возьму тебя — замолчи! —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но пока тебе не скрещу на груди персты, —
О, проклятие! — у тебя остаешься — ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, —
Оттого что мир — твоя колыбель, и могила — мир!

15 августа 1916

* * *

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доньне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

* * *

Счастье или грусть —
Ничего не знать наизусть,
В пышной тальме катать бобровой,
Сердце Пушкина теревить в руках,
И прослыть в веках —
Длиннобровой,
Ни к кому не суровой —
Гончаровой.

Сон или смертный грех —
Быть как шелк, как пух, как мех,
И, не слыша стиха литого,
Процветать себе без морщин на лбу.
Если грустно — кусать губу,
И потом, в гробу,
Вспоминать — Ланского.

11 ноября 1916

* * *

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может — пьют вино,
Может — так сидят.
Или просто — рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Не от свеч, от ламп темнота зажглась:
От бессонных глаз!

Крик разлук и встреч —
Ты, окно в ночи!
Может — сотни свеч,
Может — три свечи...
Нет и нет уму
Моему — покоя.

И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом.
За окно с огнем!

23 декабря 1916

* * *

Мировое началось во мгле кочевье:
Это бродят по ночной земле — деревья.
Это бродят золотым вином — грозди,
Это странствуют из дома в дом — звезды,
Это реки начинают путь — вспять!
И мне хочется к тебе на грудь — спать.

14 января 1917

* * *

Милые спутники, делившие с нами ночлег!
Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...
Рокот цыганских телег,
Вспять убегающих рек —
Рокот...

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре —
Помните утренний ветер и степь в серебре?
Синий дымок на горе
И о цыганском царе —
Песню?..

В черную полночь, под пологом древних ветвей,
Мы вам дарили прекрасных — как ночь — сынозей,
Нищих — как ночь — сыновей...
И рокотал соловей —
Славу.

Не удержали вас, спутники чудной поры,
Нищие неги и нищие наши пиры.

Жарко пылали костры,
Падали к нам на ковры —
Звезды...

Январь 1917

* * *

Август — астры,
Август — звезды,
Август — грозди
Винограда, и рябины
Ржавой — август!

Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август! — Сердце!

Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных —
Август! — Месяц
Ливней звездных!

7 февраля 1917

ИЗ ЦИКЛА «ДОН-ЖУАН»

1

На заре морозной
Под шестой березой,
За углом у церкви
Ждите, Дон-Жуан!

Но, увы, клянусь вам
Женихом и жизнью,
Что в моей отчизне
Негде целовать!

Нет у нас фонтанов,
И замерз колодец,
А у богородиц —
Строгие глаза.

И чтобы не слышать
Пустяков красоткам,
Есть у нас презвонкий
Колокольный звон.

Так вот и жила бы,
Да боюсь — состарюсь...
Да и вам, красавец,
Край мой не к лицу...

Ах, в дохе медвежьей
И узнать вас трудно,
Если бы не губы
Ваши, Дон-Жуан!

19 февраля 1917

2

Долго на заре туманной
Плакала метель.
Положили Дон-Жуана
В снежную постель.

Ни гремучего фонтана,
Ни горячих звёзд...
На груди у Дон-Жуана
Православный крест.

Чтобы ночь тебе светлее
Вечная была,
Я тебе севильский веер,
Чёрный, принесла.

Чтобы видел ты воочию
Женскую красу,
Я тебе сегодня ночью
Сердце принесу.

А пока — спокойно спите!
Из далеких стран
Вы пришли ко мне. Ваш список
Полон, Дон-Жуан!

19 февраля 1917

3

И была у Дон-Жуана — шпага,
И была у Дон-Жуана — Донна Анна.
Вот и все, что люди мне сказали
О прекрасном, о несчастном Дон-Жуане.

Но сегодня я была умна:
Ровно в полночь вышла на дорогу,
Кто-то шел со мною в ногу,
Называя имена.

И белел в тумане посох странный...
Не было у Дон-Жуана — Донны Анны!

14 мая 1917

СТЕНЬКА РАЗИН

1

Ветры спать ушли — с золотой зарей,
Ночь подходит — каменною горой,
И с своей княжною из жарких стран
Отдыхает бешеный атаман.

Молодые плечи в охапку сгреб,
Да заслушался, запрокинув лоб, —
Как гремит над жарким его шатром
Соловьиный гром.

22 апреля 1917

2

А над Волгой — ночь,
А над Волгой — сон.
Расстелили ковры узорные,
И возлег на них атаман с княжной
Персиянкою — брови черные.

И не видно звезд, и не слышно волн, —
Только весла да темь кромешная!
И уносит в ночь атаманов челн
Персиянскую душу грешную.

И услышала
Ночь — такую речь:
«Аль не хочешь, что ль,
Потеснее лечь?
Ты меж наших баб —
Что жемчужинка!
Аль уж страшен так?
Я твой вечный раб,
Персияночка!
Полоняночка!»

А она — брови насупила,
Брови длинные,
А она — очи потупила
Персиянские.
И из уст ее —
Только вздох один:
«Джаль-Эддин!»

А над Волгой — заря румяная,
А над Волгой — рай.
И грохочет ватага пьяная:
«Атаман, вставай!»

Належался с басурманскою собакою!
Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы!

А она — что смерть.
Рот закушен в кровь.
Так и ходит атаманова крутая бровь.

«Не поладила ты с нашею постелью —
Так поладь, собака, с нашею купелью!»

В небе-то — ясно,
Тёмно — на дне.
Красный один
Башмачок на корме.

И стоит Степан — ровно грозный дуб,
Побелел Степан — аж до самых губ.
Закачался, зашатался. — «Ох, томно!
Поддержите, нехристи, — в очах тёмно!»

Вот и вся тебе персияночка,
Полоняночка.

25 апреля 1917

3

Сон Разина

И снится Разину — сон:
Словно плачется болотная цапля.
И снится Разину — звон:
Ровно капельки серебряные каплют.

И снится Разину: дно —
Цветами — что плат ковровый.
И снится лицо одно —
Забывшее, чернобровое.

Сидит, ровно божья мать,
Да жемчуг на нитку нижет.
И хочет он ей сказать,
Да только губами движет...

Сдавило дыханье — аж
Стекланный, в груди, осколок.
И ходит, как сонный страж,
Стекланный — меж ними — полог.

«Рулевой зарею правил
Вниз по Волге-реке.
Ты зачем меня оставил
Об одном башмачке?»

Кто красавицу захочет
В башмачке одном?
Я приду к тебе, дружочек,
За другим башмачком!»

И звенят-звенят, звенят-звенят запястья:
«Затонуло ты, Степаново счастье!»

8 мая 1917

ЦЫГАНСКАЯ СВАДЬБА

Из-под копыт —
Грязь летит!
Перед лицом —
Шаль, как щит.
Без молодых
Гуляйте, сваты!
Эй, выноси,
Конь лохматый!

Нé дали воли нам
Отец и мать, —
Целое поле нам —
Брачная кровать!
Пьян без вина и без хлеба сыт —
Это цыганская свадьба мчит!

Полон стакан.
Пуст стакан.
Гомон гитарный, луна и грязь.
Вправо и влево качнулся стан.

Князем — цыган!
Цыганом — князь!
Эй, господин, берегись: жжет!
Это цыганская свадьба пьет.

Там, на ворохе
Шалей и шуб, —
Звон и шорох
Стали и губ.
Звякнули шпоры,
В ответ — мониста.
Скрипнул под чьей-то рукою
Шелк.
Кто-то завыл, как волк,
Кто-то — как бык — храпит...
Это цыганская свадьба спит.

25 июня 1917

* * *

Не самозванка — я пришла домой,
И не служанка — мне не надо хлеба.
Я страсть твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твое седьмое небо.

Там, на земле, мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.
Возлюбленный! Ужель не узнаешь?
Я ласточка твоя — Психея!

Апрель 1918

* * *

«Простите меня, мои горы!
Простите меня, мои реки!
Простите меня, мои нивы!
Простите меня, мои травы!»

Мать — крест надевала солдату,
Мать с сыном прощалась навеки...
И снова из скорбленной хаты:
«Простите меня, мои реки!..»

14 мая 1918

* * *

В черном небе слова начертаны —
И ослепли глаза прекрасные...
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.

В поте — пишуший, в поте — пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огонь, над кудрями пляшущий, —
Дуновение вдохновения!

14 мая 1918

* * *

Благословляю ежедневный труд,
Благословляю еженощный сон.
Господню милость — и господен суд,
Благой закон — и каменный закон.

И пыльный пурпур свой, где столько дыр...
И пыльный посох свой, где все лучи!
Еще, господь, благословляю — мир
В чужом дому, и хлеб в чужой печи!

21 мая 1918

* * *

Полюбил богатый — бедную,
Полюбил ученый — глупую,
Полюбил румяный — бледную,
Полюбил хороший — вредную:
Золотой — полушку медную.

— Где, купец, твое роскошество?
— Во дырявом во лукошечке!

— Где, гордец, твои учености?
— Под подушкой у девчоночки!

— Где, красавец, щеки алые?
— За́ ночь черную — растаяли.

— Крест серебряный с цепочкою?
— У девчонки под сапожками!

Не люби, богатый, — бедную,
Не люби, ученый, — глупую,
Не люби, румяный, — бледную,
Не люби, хороший, — вредную:
Золотой — полушку медную!

Май 1918

Я расскажу тебе — про великий обман:
Я расскажу тебе, как ниспадает туман
На молодые деревья, на старые пни.
Я расскажу тебе, как погасают огни
В низких домах, как — пришелец египетских стран —
В узкую дудку под деревом дует цыган.

Я расскажу тебе — про великую ложь:
Я расскажу тебе, как зажимается нож
В узкой руке, как вздымаются ветром веков
Кудри — у юных, и бороды — у стариков.

Рокот веков.
Топот подков.

4 июня 1918

* * *

Руки, которые не нужны
Милому, служат Миру.
Доблестным званьем Мирской Жены
Нас увенчала Лира.

Много незваных на царский пир;
Надо им спеть на ужин!
Милый не вечен, но вечен — Мир.
Не понапрасну служим.

6 июля 1918

* * *

Как правая и левая рука —
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого до левого крыла!

10 июля 1918

* * *

Я — страница твоему перу.
Все приму. Я белая страница.
Я — хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей.

Я — деревня, черная земля.
Ты мне — луч и дождевая влага.
Ты — Господь и Господин, а я —
Чернозем — и белая бумага!

10 июля 1918

* * *

Доблесть и девственность! — Сей союз
Древен и дивен, как Смерть и Слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой:

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши — Мира!
Нежную руку кладу на меч:
На лебединую шею Лиры.

27 июля 1918

* * *

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы —
Один ответ: «Откуда мне сне?»

Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

14 августа 1918

ИЗ ЦИКЛА
«СТИХИ К ДОЧЕРИ»

1

Не знаю, где ты́ и где я́.
Те ж песни и те же заботы.
Такие с тобою друзья!
Такие с тобою сироты!

И так хорошо нам вдвоем —
Бездомным, бессонным и сирым...
Две птицы: чуть встали — поем,
Две странницы: кормимся миром.

И бродим с тобой по церквам
Великим — и малым, приходским.
И бродим с тобой по домам
Убогим — и знатым, господским.

Когда-то сказала: «Купи!» —
Сверкнув на кремлевские башни.
Кремль — твой от рождения. — Спи,
Мой первенец светлый и страшный.

И как под землею трава
Дружится с рудою железной, —
Всё видят пресветлые два
Провала в небесную бездну.

Сивилла! Зачем моему
Ребенку — такая судьбина?
Ведь русская доля — ему...
И век ей: Россия, рябина...

24 августа 1918

2

Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем,

Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным — так далеко-далёко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню — на руке моей рабочей —

Серебряных перстней, — чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...

Как в страшный год, возвышены бедою,
Ты — маленькой была, я — молодой.

Ноябрь 1919

* * *

Что другим не нужно — несите мне!
Все должно сгореть на моем огне!
Я и жизнь маню, я и смерть маню
В легкий дар моему огню.

Пламень любит легкие вещества:
Прошлогодний хворост — венки — слова.
Пламень пышет с подобной пищи!
Вы ж восстанете — пепла чище!

Птица Феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю — и горю дотла,
И да будет вам ночь — светла.

Ледяной костер, огневой фонтан!
Высоко несу свой высокий стан,
Высоко несу свой высокий сан —
Собеседницы и наследницы!

2 сентября 1918

Г Л А З А

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза,
Зеленые — соленые —
Крестьянские глаза!

Была бы бабою простой,
Всегда б платили за постой
Всё эти же — веселые —
Зеленые глаза.

Была бы бабою простой,
От солнца б застилась рукой,
Качала бы — молчала бы,
Потупивши глаза.

Шел мимо паренек с лотком...
Спят под монашеским платком
Смиренные — степенные —
Крестьянские глаза.

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза...
Что видели — не выдадут
Крестьянские глаза!

9 сентября 1918

.

* * *

Чтобы помнил не часочек, не годок —
Подарю тебе, дружочек, гребешок.

Чтобы помнили подружек мил-дружки —
Есть на свете золотые гребешки.

Чтоб дружочку не пилоь без меня —
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Нет на свете той расчески чудней:
Струны — зубья у расчески моей.

Чуть притронешься — пойдет трескотня
Про меня одну, да всё про меня.

Чтоб дружочку не спалось без меня —
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Чтобы чудился в жару и в поту
От меня ему вершочек — с версту,

Чтоб ко мне ему все версты — с вершок,
Есть на свете золотой гребешок.

Чтоб дружочку не жилось без меня —
Семиструнная расческа моя!

2 ноября 1918

ИЗ ЦИКЛА «ПЛАЩ»

1

Я помню ночь на склоне ноября.
Туман и дождь. При свете фонаря
Ваш нежный лик — сомнительный и странный,
По-диккенсовски тусклый и туманный,
Знобящий грудь, как зимние моря...
Ваш нежный лик при свете фонаря.

И ветер дул, и лестница вилась...
От ваших губ не отрывая глаз,
Полусмеясь, свивая пальцы в узел,
Стояла я, как маленькая Муза,
Невинная — как самый поздний час...
И ветер дул, и лестница вилась.

А на меня из-под усталых вежд
Струился сонм сомнительных надежд;
Затронув губы, взор змеился мимо...

Так серафим, томимый и хранимый
Таинственной святостью одежд,
Прельщает Мир — из-под усталых вежд.

Сегодня снова диккенсова ночь.
И тоже дождь, и так же не помочь
Ни мне, ни вам, — и так же хлещут трубы,
И лестница летит... И те же губы...
И тот же шаг, уже спешащий прочь —
Туда — куда-то — в диккенсову ночь.

2 ноября 1918

2

Я берег покидал туманный Альбиона...
Батюшков

«Я берег покидал туманный Альбиона...»
Божественная высь! Божественная грусть!
Я вижу тусклых вод взволнованное лоно
И тусклый небосвод, знакомый наизусть.

И прислоненного к вольнолюбивой мачте,
Укутанного в плащ, прекрасного, как сон,—
Я вижу юношу.— О, плачьте, девы, плачьте!
Плачь, мужественность! Плачь, туманный Альбион!

Свершилось! Он один меж небом и водою!
Вот школа для тебя, о ненавистник школ!
И в роковую грудь, пронзенную звездой,
Царь роковых ветров врывается — Эол.

А рокот тусклых вод слагается в балладу
О том, как он погиб, звездою заклеямен...
Плачь, Юность! Плачь, Любовь! Плачь, Мир!
Рыдай, Эллада!
Плачь, крошка Ада! Плачь, туманный Альбион!

12 ноября 1918

* * *

Солнце — одно, а шагает по всем городам.
Солнце — мое. Я его никому не отдам.

Ни на час, ни на луч, ни на взгляд.— Никому. Никогда.
Пусть погибают в бессменной ночи города!

В руки возьму! — Чтоб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!

В вечную ночь пропадет, — погонюсь по следам...
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

Март 1919

БАБУШКА

1

Когда я буду бабушкой —
Годов через десяточек —
Причудницей, забавницей, —
Вихрь с головы до пяточек!

И внук — кудряш — Егорушка
Взревет: «Давай ружье!»
Я брошу лист и перышко:
«Сокровище мое!»

Мать всплачет: «Год три месяца,
А уж, гляди, как зол!»
А я скажу: «Пусть бесится!
Знать, в бабушку пошел!»

Егор, моя утробушка!
Егор, ребро от ребрышка!

Егорушка, Егорушка,
Егорий — свет — храбрец!

Когда я буду бабушкой —
Седой каргою с трубкою! —
И внучка, в полночь крадучись,
Шепнет, взметнувши юбками:

«Кого, скажите, бабушка,
Мне взять из семерых?»
Я опрокину лавочку,
Я закружусь, как вихрь.

Мать: «Ни стыда, ни совести!
И в гроб пойдет пляша!»
А я-то: «На здоровьице!
Знать, в бабушку пошла!»

В чьем доме — ни сориночки,
Тот скушен на перинушке, —
Маринушка, Маринушка,
Марина — синь-моря!

«А целовались, бабушка,
Голубушка, со сколькими?» —
«Я дань платила песнями,
Я дань взымала кольцами.

Ни ночки — даром проспанной:
Все в райском во саду!» —
«А как же, бабка, господу
Предстанешь на суду?» —

«Свистят скворцы в скворешнице,
Весна-то — глянь! — бела...
Скажу: «Родимый, — грешница!
Счастливая была!»

Вы ж, ребрышко от ребрышка,
Маринушка с Егорушкой,
Моей землицы горсточку
Возьмите в узелок».

23 июля 1919

2

А как бабушке
Помирать, помирать,—
Стали голуби
Ворковать, ворковать.

«Что ты, старая,
Так лихуешься?»
А она в ответ:
«Что воркуете?» —

«А воркуем мы
Про твою весну!» —
«А лихуюсь я,
Что идти ко сну,

Что навек засну
Сном закованным —

Я, бессонная,
Я, фартовая,

Что луга мои яицкие
Не скошены,
Жемчуга мои бурмицкие
Не сношены,

Что леса мои волынские
Не срублены,
На Руси не все мальчишки
Перелюблены!»

А как бабушке
Отходить, отходить, —
Стали голуби
В окна крыльями бить.

«Что уж страшен как,
Бабка, голос твой?» —
«Не хочу отдать
Девкам молодцев!» —

«Нагулялась ты, —
Пора знать и стыд!» —
«Этой малостью
Разве будешь сыт?»

Что над тем костром
Я — холодная,
Что за тем столом
Я — голодная».

А как бабушку
Понесли, понесли, —
Все-то голуби
Полегли, полегли:

Книзу — крылышком,
Кверху — лапчочкой...
Помолитесь, внучки юные,
За бабушку!

25 июля 1919

ТЕБЕ — ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, —
Из самых недр, как на смерть осужденный,
Своей рукой — пишу:

Друг! Не ищи меня! Другая мода!
Меня не помнят даже старики.
Ртом не достать! Через Летейски воды
Протягиваю две руки.

Как два костра, глаза твои я вижу,
Пылающие мне в могилу — в ад,
Ту видящие, что рукой не движет,
Умершую сто лет назад.

Со мной в руке — почти что горстка пыли:
Мои стихи! Я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я — или
В котором я умру.

На встречных женщин — тех, живых, счастливых, —
Горжусь, как смотришь, и ловлю слова:
«Сборише самозванок! Все мертвы вы!
Она одна жива!

Я ей служил служеньем добровольца,
Все тайны знал, весь склад ее перстней!
Грабительницы мертвых! — Эти кольца
Украдены у ней!»

О, сто моих колец! Мне тянет жилы,
Раскаиваюсь в первый раз,
Что столько я их вкривь и вкось дарила, —
Тебя не дождалась!

И грустно мне еще, что в этот вечер,
Сегодняшний, так долго шла я вслед
Садящемуся солнцу — и навстречу
Тебе: через сто лет.

Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье
Моим друзьям, во мглу могил:
«Все восхваляли! Розового платя
Никто не подарил!

Кто бескорыстней был?!» — Нет, я корыстна!
Раз не убьешь, — корысти нет скрывать,
Что я у всех выпрашивала письма,
Чтоб ночью целовать.

Сказать? — Скажу! Небытие — условность.
Ты мне сейчас — страстнейший из гостей,
И ты откажешь перлу всех любовниц
Во имя тай — костей.

Август 1919

* * *

Я счастлива жить образцово и просто —
Как солнце, как маятник, как календарь.
Быть светской пустынноницей стройного роста,
Премудрой — как всякая божья тварь.

Знать: дух — мой сподвижник и дух — мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато —
Как бог повелел и друзья не велят.

Ноябрь 1919

У первой бабки — четыре сына,
Четыре сына — одна лучина,
Кожух овчинный, мешок пеньки, —
Четыре сына — да две руки!
Как ни навалишь им чашку — чисто!
Чай, не барчата! — Семинаристы!
А у другой — по иному трахту! —
У той тоскует в ногах вся шляхта.
И вот — смеется у камелька:
«Сто богомольцев — одна рука!»
И зацелованными руками
Чудит над клавишами, шелками...

Обеим бабкам я вышла внучка:
Чернорабочий — и белоручка!

Январь 1920

* * *

Мой путь не лежит мимо дому — твоего.
Мой путь не лежит мимо дому — ничьего.

А все же с пути сбиваюсь
(Особо — весной!),
А все же по людям маюсь,
Как пес под луной.

Желанная всюду гостя:
Всем спать не даю!
Я с дедом играю в кости,
А с внуком — пою.

Ко мне не ревнуют жены:
Я — голос и взгляд.
И мне ни один влюбленный
Не вывел палат.

Смешно от щедрот незваных
Мне ваших, купцы!

Сама воздвигаю за́ ночь
Мосты и дворцы.

(А что говорю — не слушай!
Все мелет бабье!)
Сама поутру разрушу
Творенье свое.

Хоромы — как сноп соломы — ничего!
Мой путь не лежит мимо дому — твоего.

27 апреля 1920

* * *

На брэнность бедную мою
Взираешь, слов не расточая.

Ты — каменный, а я пою,
Ты — памятник, а я летаю.

Я знаю, что нежнейший май
Пред оком Вечности — ничтожен.

Но птица я — и не пеняй,
Что легкий мне закон положен.

16 мая 1920

* * *

С. Э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках весров поблѣклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах,

И на стволах, которым сотни зим...
И наконец — чтоб было всем известно! —
Что ты любим! любим! любим! любим! —
Расписывалась радугой небесной.

Как я хотела, чтобы каждый цвел
В веках со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечеркивала имя.

Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! *внутри* кольца!
Ты — уцелеешь на скрижалях!

18 мая 1920

* *

Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей средь бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.

И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.

19 мая 1920

* * *

Одна половинка окна растворилась.
Одна половинка души показалась.
Давай-ка откроем и ту половинку,
И ту половинку окна!

25 мая 1920

ДВЕ ПЕСНИ

1

И что тому костер остылый,
Кому разлука — ремесло!
Одной волною накатило,
Другой волною — унесло.

Ужели в раболепном гневе
За милым поползу ползком —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Кусай себе, дружочек родный,
Как яблоко — весь шар земной!
Беседа с пучиной водной,
Ты все ж беседуешь со мной.

Подобно земнородной деве,
Не скрестит две руки крестом —

Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Нет, *наши* девушки не плачут,
Не пишут и не ждут вестей!
Нет, снова я пушусь рыбачить
Без невода и без сетей!

Какая власть в моем напеве, —
Одна не ведаю о том —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

Когда-нибудь, морские струи
Разглядывая с корабля,
Ты скажешь: «Я любил — морскую!
Морская канула — в моря!»

В коралловом подводном древе
Не ты ль — серебряным хвостом,
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

13 июня 1920

2

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

Вчера еще в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал —
Жизнь выпала копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?» —
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», — ответствуют.

Жить приучил — в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!

«Вот, что ты, милый, сделал — мне!
Мой милый, что тебе — я сделала?»

Все ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Самó — что́ дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
За все, за все меня прости,
Мой милый, что тебе я сделала!

14 июня 1920

* * *

Другие — с очами и с личиком светлым,
А я-то ночами беседую с ветром.
Не с тем — италийским
Зефиром младым, —
С хорошим, с широким,
Российским, сквозным!

Другие всей плотью по плоти плуτούν,
Из уст пересоших — дыханье глотают...
А я — руки настезь! — застыла — столбняк, —
Чтоб выдул мне душу — российский сквозняк!

Другие — о нежные, цепкие путы!
Нет, с нами Эол обращается круто.
«Небось не растаешь! Одна, мол, семья!» —
Как будто и вправду — не женщина я!

2 августа 1920

Проста моя осанка,
Нищ мой домашний кров.
Ведь я островитянка
С далеких островов!

Живу — никто не нужен!
Взошел — ночей не сплю.
Согреть чужому ужин —
Жилье свое спалю!

Взглянул — так и знакомый,
Взошел — так и живи!
Просты наши законы:
Написаны в крови.

Луну заманим с неба
В ладонь, — коли мила!
Ну, а ушел — как не был,
И я — как не была.

Гляжу на след ножовый:
Успеет ли зажечь
До первого чужого,
Который скажет: «Пить».

Август 1920

* * *

Было дружбой, стало службой.
Бог с тобою, брат мой волк!
Подыхает наша дружба:
Я тебе не дар, а долг!

Заедай верстою вёрсту,
Отсылай версту к версте!
Перегладила по шерстке, —
Стосковался по тоске!

Не взовою тебя в злодеи, —
Не твоя вина — мой грех:
Ненасытностью своею
Перекармливаю всех!

Чем на вас с кремнем-огнивом
В лес ходить — как бог судил, —
К одному бабье ревниво:
Чтобы лап не застудил.

Удержать — перстом не двину.
Перст — не шест, а лес велик.
Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!

Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура —
Верить в волчью седину.

Октябрь 1920

* * *

Любовь! Любовь! И в судорогах и в гробе
Насторожусь — прельщусь — смущусь — рванусь.
О милая! Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленатых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки, — стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен,
Смерть, выбью! — Верст на тысячу в округе
Растоплены снега — и лес спален.

И если все ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя увезть, —
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать — иль розаном расцвести!

28 ноября 1920

ИЗ ЦИКЛА «УЧЕНИК»

1

Быть мальчиком твоим светлоголовым,
О — через все века! —
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Улавливать сквозь всю людскую гушу
Твой вздох живстворящ —
Душой, дыханием твоим живущей, —
Как дуновеньем — плащ.

Победоноснее царя Давида
Чернь раздвигать плечом.
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне — не спит.

При первом чернью занесенном камне —
Уже не плащ, а щит!

(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остер!)
...И — дерзновенно улыбнувшись — первым
Взойти на твой костер.

15 апреля 1921

2

Есть некий час...

Тютчев

Есть некий час — как сброшенная клажа:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.

Высокий час, когда, сложив оружие
К ногам указанного нам — Перстом,
Мы пурпур воина на мех верблюжий
Сменяем на песке морском.

О этот час, на подвиг нас — как Голос,
Вздымающий из своеволья дней.
О этот час, когда, как спелый колос,
Мы клонимся от тяжести своей.

И колос взрос, и час веселый пробил,
И жерновов возжаждало зерно.
Закон! Закон! Еще в земной утробе
Мной вожделенное ярмо.

Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет, — еще заря зажглась.
Благословен ему грядущий следом
Ты — одиночества верховный час!

15 апреля 1921

3

По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.

По пескам — жадным и ржавым,
Под лучом — жгущим и пьющим,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — следом и следом.

По волнам — лютым и вздутым,
Под лучом — гневным и древним,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — лгущим и лгущим...

25 апреля 1921

ПЕРВОЕ СОЛНЦЕ

О, первое солнце над первым лбом!
И эти — на солнце, прямо —
Дымящие — черным двойным жерлом —
Большие глаза Адама.

О первая ревность, о первый яд
Змеинный — под грудь левую!
В высокое небо вперенный взгляд:
Адам, проглядевший Еву!

Врожденная рана высоких душ,
О, Зависть моя! О, Ревность!
О, всех мне Адамов затмивший Муж:
Крылатое солнце древних!

10 мая 1921

МАРИНА

Быть голубкой его орлиной!
Больше матери быть — Мариной!
Вестовым — часовым — гонцом —

Знаменосцем — льстецом придворным!
Серафимом и псом дозорным
Охранять непокойный сон.

Сальных карт захватив колоду,
Ногу в стремя! — сквозь огонь и воду!
Где верхом — где ползком — где в плавь!

Тростником — ивняком — болотом,
А где конь не берет — там лѣтом,
Все ветра полонивши в плащ!

Черным вихрем летя беззвучным,
Не подругою быть — сподручным!
Не единою быть — вторым!

Близнецом — двойником—крестовым
Стройным братом, огнем костровым,
Ятаганом его кривым.

Гул кремлевских гостей незваных.
Если имя твое — Басманов,
Отстанись! Уступи любви!

Распахнула платок нагрудный.
Руки настезь! — Чтоб в день свой судный
Не в басмановской встал крови!

11 мая 1921

ИЗ ЦИКЛА «ОТРОК»

1

Пустоты отроческих глаз! Провалы
В лазурь! Как ни черны — лазурь!
Игралища для битвы небывалой,
Дарохранительницы бурь.

Зеркальные! Ни зыби в них, ни лона.
Вселенная в них правит ход.
Лазурь! Лазурь! Пустынная до звону!
Книгохранилища пустот.

Провалы отроческих глаз! Пролеты!
Душ раскаленных — водопой.
Оазисы! — Чтоб всяк хлебнул и отпил,
И захлебнулся пустотой.

Пью — не напьюсь. Вдох — и огромный выдох,
И крови ропщущей подземный гул.
Так по ночам, тревожа сон Давидов,
Захлебывался царь Саул.

25 августа 1921

Виноградины тщетно в садах ржавели,
И наложница, тщетно прождав, уснула.
Палестинские жилы! Смолы тяжеле
Протекает в вас древняя грусть Саула.

Пятидневною раною рот запекся.
Тяжек ход твой, о кровь, приближаясь к сроку.
Так давно уж Саулу-царю не пьется,
Так давно уже землю пытается око.

Иерихонские розы горят на скулах,
И работает грудь наподобие горна.
И влачат, и влачат этот вздох Саулов
Палестинские отроки с кровью черной.

30 августа 1921

ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ

Превыше крестов и труб,
Крещеный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ —
Здорово, в веках Владимир!

Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
«Держись, ломовая слава!»

Певец площадных чудес —
Здорово, гордец чумазий,
Что камнем — тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул — и снова
Оглоблей гребет — крылом
Архангела ломового.

18 сентября 1921

ХВАЛА АФРОДИТЕ

1

Блаженны, дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны — в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.

Там лавр растет, жестоколист и трезв, —
Лавр — летописец, горячитель боя...
Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любви.

17 октября 1921

2

Уже богов — не те уже щедроты
На берегах — не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!

Я ж, на песках похолодевших лежа,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу —
Я молодость свою переросла.

17 октября 1921

3

Тщетно, в ветвях заповедных кроясь,
Нежная стая твоя гремит.
Сластолюбивый роняю пояс,
Многолюбивый роняю мирт.

Тяжкоразящей стрелой тупою
Освободил меня твой же сын...
Так, о престол моего покоя,
Пеннорожденная, пеной сгинь!

18 октября 1921

4

Сколько их, сколько их ест из рук,
Белых и сизых!
Целые царства воркуют вокруг
Уст твоих, Низость!

Не переводится смертный пот
В золоте кубка.
И полководец гривастый льнет
Белой голубкой.

Каждое облако в час дурной
Грудью круглится.
В каждом цветке придорожном — твой
Лик, Дьяволица!

Бренная пена, морская соль...
В пене и в муке,
Повиноваться тебе — доколь,
Камень безрукий!

23 октября 1921

* * *

С такую силой в подбородок руку
Вцепив, что судорогой вьется рот,
С такую силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет, —

Так знаменосец покидает знамя,
Так на помосте матерям: «Пора!»,
Так в ночь глядит — последними глазами —
Наложница последнего царя.

24 октября 1921

МОЛОДОСТЬ

1

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.

Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! — Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.

Ты́ в ночи начесывала гребнем,
Ты́ в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щепнем,
За чужие я грехи терпела.

Скипетр тебе вернув до сроку —
Что уже душе до яств и брашна?
Молодость моя! Моя морока-
Молодость! Мой лоскуток кумашный!

18 ноября 1921

2

Скоро уж из ласточек — в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне.
Постоим с тобою на ветру.
Смуглая моя! Утешь сестру!

Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!

Полосни лазоревою шалью,
Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой! — Спляши, ошпарь!
Золотце-мое-прощай-янтарь!

Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником с тобой прощаюсь.
Вырванная из грудных глубин —
Молодость моя! — Иди к другим!

20 ноября 1921

* * *

Не для льстивых этих риз, лживых ряс
Голосистою на свет родилась!

Не ночные мои сны — наяву!
Шипом-шепотом, как вы, не живу!

От тебя у меня, шепот-тот-шип —
Лира, лира, лебединый загиб!

С лавром, с зрями, с ветрами союз,
Не монашествую я — веселюсь!

И мальчишка — недурен-белокур!
Ну, а накривь уж пошло чересчур, —

От тебя у меня, шепот-тот-шип —
Лира, лира, лебединый загиб!

Доля женская, слышать, тяжела!
А не знаю — на весы не брала!

Не продажный мой товар — даровой!
Ну, а ноготь как пойдет синевой, —

От тебя у меня, клетот-тот-хрип —
Лира, лира, лебединый загиб!

4 декабря 1921
Москва

ЗАВОДСКИЕ

1

Стоят в чернорабочей хмури
Закóпченные корпуса.
Над копотью взмстают кудри
Растроганные небеса.

В надышанную сырость чайной
Картуз засаленный бредет.
Последняя труба окраины
О праведности вопиет.

Труба! Труба! Лбов искаженных
Последнее: «Еще мы тут!»
Какая насмерть осужденность
В той жалобе последних труб!

Как в вашу бархатную сытость
Вгрызается их жалкий вой!

Какая заживо-зарытость
И выведенность на убой!

А бог? — По самый лоб закурен,
Не вступится! — Напрасно ждем!
Над койками больниц и тюрем
Он гвоздиками пригвожден.

Истерзанность! — Живое мясо!
И было так и будет — до
Скончания.

— Всем песням насыпь
И всех отчаяний гнездо:

Завод! завод! Ибо зовется
Заводом этот черный взлет.
К отчаянью трубы заводской
Прислушайтесь — ибо зовет

Завод. И никакой посредник
Уж не послужит вам тогда,
Когда над городом последним
Взревет последняя труба.

23 сентября 1922

2

Книгу вечности на людских устах
Не вотще листав, —
У последней, последней из всех застав,
Где начало трав

И начало правды... На камень сев,
Птичьим стаям вслед...
Ту последнюю — дальнюю — дальше всех
Дальних — дольше всех...

Далечайшую...

Говорит: «Приду!»

И еще: «В гробу!»
Труднодышащую — наших дел судью
И рабу-трубу,

Что над городом утвержденных зверств,
Прокаженных детств,
В дымном олове — как позорный шест
Поднята, как перст.

Голос шахт и подвалов —
Лбов на чахломе стебле! —
Голос сырых и малых,
Злых — и правых во зле:

Всех проко́пченных, коих
Черт за корку купил!
Голос стоек и коек,
Рычагов и стропил.

Кому — нету отбросов:
Сам — последний ошмет!
Голос всех безголосых
Под бичом твоим — Тот!

Погребов твоих щебет,
Где растут без луча,
Кому нету отрбьев:
Сам — с чужого плеча!

Шевельнуться не смеет:
Родился — и лежи!
Голос маленьких швеек
В проливные дожди.

Черных прачешен кашель,
Вшивой ревности зуд,
Крик, что кровью окрашен,
Там, где любят и бьют...

Голос, бьющийся в прахе
Лбом — о кротость Твою:
(Гордецов без рубахи
Голос, — свой узнаю!)

Еженощная ода
Красоте твоей, твердь!
Всех, кто с черного хода —
В жизнь, и шепотом — в смерть...

У последней, последней из всех застав,
Там, где каждый прав, —
Ибо все неправны — на камень встав,
В плеске первых трав...

И навстречу, с безвестной
Башни — в каторжный вой:
Голос правды небесной
Против правды земной.

26 сентября 1922
Прага

ХВАЛА БОГАТЫМ

И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою — мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честнó мое место в мире:

Под колесами всех излишеств —
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим — с колокольной крыши
Объявляю: люблю богатых!

За их корень, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растерянную повадку —
Из кармана и вновь к карману.

За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую, как окрик.
И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны — всегда с нарочным!
За их страсти — всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи
(И целуют и пьют насильно!),

И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах
Вот меня, наглеца, не купят, —
Подтверждаю: люблю богатых!

А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну — и трачу!),
За какую-то — вдруг — побитость,
За какой-то их взгляд собачий,

Сомневающийся...

— Не стержень
ли к нулям? Не шалят ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный насмерть,
Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад бы —
Да...»

За тихое, с уст зажатых:
«По каратам считал, я — брат был...»
Присягаю: люблю богатых!

30 сентября 1922

РАССВЕТ НА РЕЛЬСАХ

Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.

Из сырости — и свай,
Из сырости — и серости.
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.

Туман еще щадит,
Еще в холсты запахнутый
Спит ломовой гранит,
Полей не видно шахматных...

Из сырости — и стай...
Еще вестями шальими
Лжет вороная сталь —
Еще Москва за шпалами!

Так, под упорством глаз,
Владением бесплотнейшим,
Какая разлилась
Россия — в три полотнища!

И — шире раскручу!
Невидимыми рельсами
По сырости пушу
Вагоны с погорельцами.

(С пропавшими навек
Для бога и людей!
Знак: сорок человек
И восемь лошадей!)

Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости — и сирости,

Покамест день не встал
С его страстями стравленными, —
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:
Даль — да две рельсы синие...
Эй, вот она! — Держи!
По линиям, по линиям...

12 октября 1922

ПОЭТЫ

1

Поэт — издалека заводит речь.
Поэта — далеко заводит речь.

Планетами, приметами... окольных
Притч рытвинами... Между *да* и *нет*
Он — даже разлетевшись с колокольни —
Крюк выморочит... Ибо путь комет —

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности — вот связь его! Вверх лбом —
Отчаяться! Поэтовы затмения
Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает все и счет,
Он тот, кто *спрашивает* с парты,
Кто Канта наголову бьет,

Кто в каменном гробу Бастилий —
Как дерево в своей красе..
Тот, чьи следы всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...

Ибо путь комет —
Поэтов путь: жжя, а не согревая,
Рвя, а не возвращивая — взрыв и взлом, —
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

8 апреля 1923

2

Есть в мире лишние, добавочные,
Не вписанные в окоем.
(Не числящимся в ваших справочниках,
Им свалочная яма — дом.)

Есть в мире полые, затолканные,
Немотствующие: навоз,
Гвоздь — вашему подолу шелковому!
Грязь брезгует из-под колес!

Есть в мире мнимые — невидимые
(Знак: лепрозориумов крап!),
Есть в мире Иовы, что Иову
Завидовали бы — когда б:

Поэты мы — и в рифму с париями,
Но, выступив из берегов,
Мы бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов!

22 апреля 1923

3

Что́ же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч и зряч,
Где по анафемам, как по насыпям,—
Страсти! Где насморком назван — плач!

Что́ же мне делать, ребром и промыслом
Певчей! — Как провод! Загар! Сибирь!
По наважденьям своим — как по́ мосту!
С их невесомостью в мире гирь.

Что́ же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший — сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью в мире мер?!

22 апреля 1923

ПОЭМА ЗАСТАВЫ

А покамест пустыня славы
Не засыпет мои уста,
Буду петь мосты и заставы,
Буду петь простые места.

А покамест еще в тенетах
Не увязла — людских кривизн,
Буду брать — труднейшую ноту,
Буду петь — последнюю жизнь!

Жалобу труб.
Рай огородов.
Заступ и зуб.
Чуб безбородых.

День без числа.
Верба зачахла.
Жизнь без чехла:
Кровью запахло!

Потных и плотных,
Потных и тощих:
«Ну да на площадь?!»
Как на полотнах —

Как на полотнах
Только — и в одах:
Рев безработных,
Рев безбородых.

Ад? — Да,
Но и сад — для
Баб и солдаток,
Старых собак,
Малых ребяток.

«Рай — с драками?
Без — раковин
От устриц?
Без люстры?
С заплатами?!»

Зря плакали:
У всякого —
Свой.

Здесь страсти поджары и ржавы:
Держав динамит!
Здесь часто бывают пожары:
Застава горит!

Здесь ненависть оптом и скопом:
Расправ пулемет!
Здесь часто бывают потопы:
Застава плывет!

Здесь плачут, здесь звоном и воем —
Рассветная тишь.
Здесь отрочества под конвоем
Щебечут: «Шалишь!»

Здесь платят! Здесь — Богом и Чертом,
Горбом и торбой!
Здесь молодости, как над мертвым,
Поют над собой.

Здесь матери, дитя заспав...
— Мосты, пески, кресты застав! —

Здесь, младшую купцу пропив,
Отцы...
— Кусты, кресты крапив...

— Пусти.
— Прости.

23 апреля 1923

ЗАНАВЕС

Водопадами занавеса, как пеной-
Хвоей-пламенем прошумя.
Нету тайны у занавеса — от сцены
(Сцена — ты, занавес — я).

Сновиденными зарослями (в высоком
Зале — оторопь разлилась)
Я скрываю героя в борьбе с Роком,
Место действия — и — час.

Водопадными радугами, обвалом
Лавра (Вверился же! Знал!)
Я тебя загораживаю от зала
(Завораживаю — зал!),

Тайна занавеса! Сновиденным лесом
Сонных снадобий, трав, зерн...
(За уже содрогающейся завесой
Ход трагедии — как шторм!)

Ложи, в слезы! В набат, ярус!
Срок, исполнься! Герой, будь!
Ходит занавес — как — парус,
Ходит занавес — как — грудь.

Из последнего шелка тебя, о недра,
Загораживаю. — Взрыв!
Над ужа-ленною Федрой
Взвился занавес, как гриф.

Нате! Рвите! Глядите! Течет, не так ли?
Заготáвливайте чán!
Я державную рану отдам до капли!
(Зритель — бел, занавес — рдян.)

И тогда — благодетельным покрывалом
Долу, знаменем прошумя.
Нету тайны у занавеса — от зала
(Зала — жизнь, занавес — я).

23 июня 1923

РЕЛЬСЫ

В некой разлинованности нотной
Нежась наподобие простынь —
Железнодорожные полотна,
Рельсовая режущая синь!

Пушкинское: сколько их, куда их
Гонит! (Миновало: не поют).
Это уезжают-покидают,
Это остывают-отстают.

Это — остаются. Боль, как нота
Высящаяся... Поверх любви
Высящаяся... Женою Лота
Насыпью застывшие столбы...

Час, когда стчаянем, как свахой,
Простыни разостланы. — «Твоя!» —
И обезголосившая Сафо
Плачет, как последняя швея.

Плач безропотности! Плач болотной
Цапли... Водоросли — плач! Глубок
Железнодорожные полотна
Ножницами режущий гудок.

Растекись напрасною зарею
Красное, напрасное пятно!
...Молодые женщины порою
Льстятся на такое полотно.

10 июля 1923

РЫЦАРЬ НА МОСТУ

Блѣдно-лицый
Страж над плеском века.
Рыцарь, рыцарь,
Стережущий реку.

(О, найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)
Ка-ра-ульный
На посту разлук.

Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку —
Нас-то — сколько
За четыре века!

В воду пропуск
Вольный. — Розам цвѣсть!
Бросил — брошусь!
Вот тебе и мѣсть!

Не устанем
Мы — доколе страсть есть! —
Мстить мостами.
Широкó расправьтесь,

Крылья! — В тину,
В пену — как в парчу!
Мосто-вины
Нынче не плачу!

«С рокового мосту
Вниз — отважься!»
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский.

Сласть ли, грусть ли
В ней — тебе видней,
Рыцарь, стерегущий
Реку — дней.

27 сентября 1923

ПОЕЗД ЖИЗНИ

Не штык — так клык, так сугроб, так шквал,—
В бессмертье что час — то поезд!
Пришла и знала одно: вокзал,
Раскладываться не стоит.

На всех, на всё — равнодушьем глаз,
Которым конец — исконность.
О, как естественно в третий класс
Из душности дамских комнат!

Где от котлет разогретых, щек
Остывших... — Нельзя ли дальше,
Душа? Хотя бы в фонарный сток —
От этой фатальной фальши:

Папильток, пеленок,
Щипцов каленых,
Волос паленых,
Чепцов, клеенок,

О-де-ко-лонов
Семейных, швейных
Счастий (Kleinwenig!..*),
Взят ли кофейник?..
Сушек, подушек, матрон, нянь,
Душности бонн, бань.

Не хочу в этом коробе женских тел
Ждать смертного часа!
Я хочу, чтобы поезд и пил и пел:
Смерть — тоже вне класса!

В удаль, в одурь, в гармошку, в насад, в тщету!
— Эти нехристи и льнут же! —
Чтоб какой-нибудь странник: «*На тем свету...*»
Не дождавшись, скажу: лучше!

Площадка. — И шпалы. — И крайний куст
В руке. — Отпускаю. — Поздно
Держаться. — Шпалы. — От стольких уст
Устала. — Гляжу на звезды.

Так через радугу всех планет
Пропавших — считал-то кто их? —
Гляжу и вижу одно: конец.
Раскаиваться не стоит.

6 октября 1923

* Немножко, чуточку (нем.). — Ред.

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как живется вам с другою,
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговую
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове?
(По́ небу — не по водам!)
Души, души! — быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергши (с *оного* сошед),

Как живется вам — хлопочется —
Ежится? Встается — как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любовью —
Избранному моему!

Свойственное и съедобнее —
Снедь? — Удачи не скрывай! —
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром — любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой!
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и начисто разбит!)
Как живется вам с стотысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночную новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых

Чувств?

Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли?
Так же ли — как мне с другим?

19 ноября 1924

СОН

1

Врылась, забылась — и вот как с тысяче-
футовой лестницы без перил.
С хищностью следователя и сыщика
Все мои тайны — сон перерыл.

Сопки — казалось бы, прочно замерли, —
Не доверяйте смертям страстей!
Зорко — как следователь по камере
Сердца — расхаживает Морфей.

Вы! Собирательное убожество!
Не обрывающиеся с крыш!
Знали бы, как, на перинах лёжачи,
Преображаешься и паришь!

Рухаешь! Как скорлупою треснувшей —
Одр с его грузом мужей и жен.

Зорко — как летчик над вражьей местностью
Спящею — над душою сон.

Тело, что все свои двери заперло,—
Тщетно! — Уж ядра поют вдоль жил.
С точностью сбирра и оператора
Все мои раны — сон перерыл!

Вскрыта! Ни щелки в райке, под куполом,
Где бы укрыться от вещей глаз
Собственных. Духовником подкупленным
Все мои тайны — сон перетряс!

24 ноября 1924

2

В мозгу ухаб пролѣжан,—
Три века до весны!
В постель иду, как в ложу:
Затем, чтоб видеть сны.

Сновидеть: рай Давидов
Зреть, и Ахиллов шлем
Священный, — стен не видеть!
В постель иду — затем.

Разведены с Мартыном
Задекою — не все.
Не доверяй перинам:
С сугробами в родстве!

Занежат, — лести женской
Пух, рук и ног захват.
Как женщины младенца
Трехдневного — заспят.

Спать! Потолок, как короб,
Снять! Синевой запить!
В постель иду, как в прорубь:
Вас — не себя топить!

Заокеанских тропик
Прель, Индостана — ил..
В постель иду, как в пропасть:
Перины — без перил!

26 ноября 1924

ЛЮБОВЬ

Ятаган? Огонь?
Поскромнее,— куда как громко!
Боль, знакомая, как глазам — ладонь,
Как губам —
Имя собственного ребенка.

1 декабря 1924

МОЛВЬ

Емче органа и звонче бубна
Молвь — и одна для всех:
Ох — когда трудно, и ах — когда чудно,
А не дается — эх!

Ах — с эмпиреев, и ох — вдоль пахот,
И согласишь, поэт,
Что ничего, кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.

Наинасыщеннойшая рифма
Недр, наинизший тон.
Так перед вспыхнувшей Суламифью —
Ахнувший Соломон.

Ах: разрывающееся сердце,
Слог, на котором мрут.
Ах: это занавес — вдруг — разверстый,
Ох: ломовой хомут.

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок — как ахал
В ночь половецкий стан!

И пригибался, и зверем прядал
В мхах, в звуковом меху:
Ах — да ведь это ж цыганский табор —
Весь! — и с луной вверху!

Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржет, предвкушая бег.
Се, напорвшись на конский череп,
Песнь заказал Олег —

Пушкину. И — раскалясь в полете —
В прабогатырских тьмах —
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! — Эх! — Ах!

23 декабря 1924

ЖИЗНИ

Не возьмешь моего румянца —
Сильного, как разливы рек.
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.

Не возьмешь мою душу живу!
Так на полном скаку погонь —
Пригибающийся — и жилу
Перекусывающий — конь

Аравийский.

25 декабря 1924

* *

Русской ржи от меня поклон,
Полю, где баба застится...
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...

Ты в погудке дождей и бед —
То ж, что Гомер в гексаметре.
Дай мне руку — на весь тот свет!
Здесь — мои обе заняты.

7 мая 1925

* * *

Тише, хвала!
Дверью не хлопать,
Слава!

 Стола
Угол — и локоть.

Сутолочь, стоп!
Сердце, уймись!
Локоть — и лоб.
Локоть — и мысль.

Юность — любить,
Старость — погреться:
Некогда — быть,
Некуда деться.

Хоть бы закут —
Только без прочих!
Краны — текут,
Стулья — грохочут,

Рты говорят:
Кашей во рту
Благодарят
«За красоту».

Знали бы вы,
Ближний и дальний,
Как головы
Собственной жаль мне —

Бога в орде!
Степь — каземат,
Рай — это где
Не говорят!

Юбочник — скот,
Лавочник — частность!
Богом мне — тот
Будет, кто даст мне

(Не временí!
Дни сочтены!)
Для тишины —
Четыре стены.

26 января 1926

ПЛАЧ МАТЕРИ
ПО НОВОБРАНЦУ

Уж вы, батальоны —
Эскадроны!
Сынок порожёный,
Бе-ре-женный!

Уж ты по младенцу —
Новобранцу —
Слеза деревенска,
Окиянска!

В который раз вспóрот
Живот — мало!
Сколько б вас, Егорок,
Ни рожала,—

Мало! *Мои* сучья!
Крóвь чья? Сóль чья?
Мало! Мала куча:
Больше! Больше!

Хоша б целый город
Склала — живы!
Сколько б вас, Егорок,
Ни ложила —

В землю. Большеротый,
Башка — вербой
Вьется. Людям — сотый,
А мне — первый!

Теки, мои соки,
Брэга — через!
Сосцы пересохла,
Очам — чéред!

Ревн, долговласа,
По армейцу!
Млецо́м отлилася —
Слезой лейся!

1928

ЛУЧИНА

До Эйфелевой — рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас — такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,

Что скушным и некрасивым
Нам кажется ваш Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»

Июнь 1931

ПОЭТ И ЦАРЬ

1

Потусторонним
Залом царей.
— А непреклонный
Мраморный сей?

Столь величавый
В золоте барм.
— Пушкинской славы
Жалкий жандарм.

Автора — хаял,
Рукопись — стриг.
Польского края
Зверский мясник.

Зорче взглядися!
Не забывай:

Певцоубийца
Царь Николай
Первый.

10 июля 1931

2

Нет, бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили:
То зубы царицы над мертвым певцом
Почетную дробь выводили.

Такой уж почет, что ближайшим друзьям
Нет места. В изглавье, в изножье,
И справа, и слева — ручищи по швам —
Жандармские груди и рожи.

Не дивно ли — и на тишайшем из лож
Пребыть поднадзорным мальчишкой?
На что-то, на что-то, на что-то похож
Почет сей: почетно — да слишком!

Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,
Монарх о поэте печется!
Почетно — почетно — почетно, архи-
Почетно, почетно — до черту!

Кого ж это так — точно воры ворá
Пристреленного — выносили?
Изменника? Нет. С проходного двора —
Умнейшего мужа России.

19 июля 1931

ПЕТР И ПУШКИН

Не флотом, не потом, не задом
В заплатах, не шведом у ног,
Не ростом — из всякого ряду,
Не сносом — всего, чему срок,

Не лотом, не ботом, не пивом
Немецким — сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!).

И бóльшего было бы мало
(Бог дал, человек не обузь!),
Когда б не привез Ганнибала-
Арапа на белую Русь.

Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил. От внука-
то негрского — свет на Руси!

Уж он бы вертлявого — в струнку
Не стал бы! — «На волю? Изволь!
Такой же ты камерный юнкер,
Как я — машкерадный король!»

Поняв, что ни пеной, ни пемзой —
Той Африки, — царь-грамотей
Решил бы: «Отныне я — цензор
Твоих африканских страстей».

И дав бы ему по загривку
Кудлатому (стричь — не остричь!):
«Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!»

Пльви — ни об чем не печалься!
Чай, есть в паруса кому дуть!
Соскучишься — так ворочайся,
А нет — хошь и дверь позабуди!

Приказ: ледяные туманы
Покинув, — за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать».

И мимо наставленной свиты,
Отставленной — прямо на склад,
Гигант, отпустивши пииту,
Помчал — по земле или над?

Сей, не по снегам смуглолицый
Российским — снегов Измаил!

Уж он бы заморскую птицу
Архивами не заморил!

Сей, не по кровям торопливый
Славянским, сей тоже — метис!
Уж ты б у него по архивам
Отечественным не закис!

Уж он бы с тобою поладил!
За непринужденный поклон
Разжалованный — Николаем,
Пожалованный бы — Петром!

Уж он бы жандармского сыска
Не крыл бы «стечеством чувств»!
Уж он бы тебе — василиска
Взгляд! — не замораживал уст.

Уж он бы полтавских не комкал
Концов,— не тупил бы пера.
За что недостойным потомком —
Подонком — опенком Петра

Был сослан в румынскую область,
Да ею б — пожалован был!
Сим — так ненавидевшим рсбость
Мужскую, что сына убил

Сробевшего. — «Эта мякина —
Я? — Вот и роди! и расти!»
Был *негр* ему истинным сыном,
Так истинным правнуком — ты

Останешься. Заговор равных.
И вот, не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух,

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд, коим поныне светла..
Последний — посмертный — бессмертный
Подарок России — Петра.

Июль 1931

ОДА ПЕШЕМУ ХОДУ

1

В век сплошных скоропадских
Роковых скоростей —
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!

Всёутёсно, всёрошно,
Прямым, без дорог
Обивающих мощно
Лишь природы — порог,

Дерзко попранный веком.
(В век турбин и динам
Только жить что калекам!)
...Но и мстящей же вам

За рекламные клейма
На вскормившую грудь...
Нет, безногое племя,
Даль — ногами добудь!

Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам —
Божествам в сапогах!

Если есть в мире ода
Богу сил, богу гор,
Это — взгляд пешехода
На застрявший мотор.

Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто — шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд (что лопается!).

Поглядите на чванством
Распираемый торс!
Паразиты пространства,
Алкоголики верст,

Что сквозь пыльную тучу
Рукоплещущих толп
Расшибаются.
— Случай?
Дури собственной — столб.

2

Вот он, грузов наспинных
Бич, мечтателей меч!
Красоту — как насильник,
С ног сшибающий: «Лечь!»

Не ответит и ляжет —
Как могила — как пласт,—
Но лица не покажет
И души не отдаст!..

Ничего не отдаст вам
Ни апрель, ни июль,
О безглазый, очкастый,
Лакированный нуль!

Между Зюдом и Нордом —
Поставщик суеты!
Ваши форды (рекорды
Быстроты: пустоты),

Ваши рольсы и ройсы —
Змея ветхая лесть!
Сыне! Господа бойся,
Ноги давшего — бресть.

Драгоценные куклы
С Оперá и Мадлен,
Вам бы тихие туфли
Мертвецовы — взамен

Лакированных лодок.
О, холодная ложь
Манекенных колодок,
Неступивших подошв!

Слава господу в небе —
Богу сил, богу царств —
За гранит, и за щебень,
И за шпат, и за кварц,

Чистоганную сдачу
Под копытом — кремня...
И за то, что *ходячим*
Чудом — создал меня!

3

Дармоедством пресытись,
С шины — спешится внук.
Пешеходы! Держитесь —
Ног, как праотцы — рук.

Где предел для резины —
Там простор для ноги.
Не хватает бензина?
Вздоха — хватит в груди!

Как поток жаждет прага,
Так восторг жаждет — трат.
Ничему, кроме шага,
Не учите ребят!

По ручьям, по моренам,
Дальше — нет! Дальше — стой!
Чтобы Альпы — коленом
Знал, саванны — ступней.

Я костями, други, лягу —
За раскрытие школ!
Чтоб от первого шага
До последнего — шел

Внук мой! отпрыск мой! мускул,
Посрамивший Аид!
Чтобы в царстве моллюсков —
На своих на двоих!

26 августа 1931

СТИХИ К СЫНУ

1

Ни к городу и ни к селу —
Езжай, мой сын, в свою страну,
В край (всем краям наоборот!),
Куда назад идти — *вперед*
Идти, особенно — тебе,
Руси не видывавшеё
Дитя мое...

Мое? Ее —
Дитя! То самое быльё,
Которым порастает быль.
Землицу, стершуюся в пыль,
Ужель ребенку в колыбель
Нести в трясущихся горстях:
«Русь — этот прах, чти этот прах!»

От неиспытанных утрат
Иди — куда глаза глядят!
Всех стран — глаза, со всей земли —
Глаза, и синие твои
Глаза, в которые гляжусь:
В глаза, глядящие на Русь.

Да не поклонимся словам!
Русь — прадедам, Россия — нам,
Вам — просветители пещер —
Призывное: СССР,—
Не менее во тьме небес
Призывное, чем: S.O.S.

Нас родина не позовет!
Езжай, мой сын, домой — вперед —
В *свой* край, в *свой* век, в *свой* час,— от нас —
В Россию — вас, в Россию — масс,
В *наш*-час — страну! в *сей*-час — страну!
В на-Марс — страну! в без-нас — страну!

2

Наша совесть — не ваша совесть!
Полно! — Вольно! — О всем забыв,
Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих.

Соляное семейство Лота —
Вот семейственный ваш альбом!

Дети! Сами сводите счета
С выдаваемым за Содом

Градом. С братом своим не дравшись —
Дело чисто твое, кудряш!
*Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час,
Наш грех, наш крест, наш спор, наш*

Гнев. В сиротские пелеринки
Облаченные отродясь,
Перестаньте справлять поминки
По Эдему, в котором вас

*Не было! По плодам — и видом
Не видали! Поймите: слеп
Вас ведущий на панихиду
По народу, который хлеб*

Ест, и вам его даст, — как скоро
Из Мёдона — да на Кубань.
Наша ссора — не ваша ссора!
Дети! Сами творите брань

Дней своих.

3

Не быть тебе нулем
Из молодых — да вредным!
Ни медным королем,
Ни попросту — спортсмедным

Лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют,

В сем полагая цель.
Ибо — в любую щель —
Я — с моим ветром буйным!
Не быть тебе буржуем.

Ни галльским петухом,
Хвост заложившим в банке,
Ни томным женихом
Седой американки, —

Нет, ни одним из тех,
Дописанных, как лист,
Которым — только смех
Остался, только свист

Достался от отцов!
С той стороны весов
Я — с черноземным грузом!
Не быть тебе французом.

Но также — ни одним
Из нас, досадных внукам!
Кем будешь — бог один...
Не будешь кем — поручкой —

Я, что в тебя — всю Русь
Вкачала, как насосом!
Бог видит — побожусь! —
Не будешь ты отбросом

Страны своей.

22 января 1932

РОДИНА

О неподатливый язык!
Чего бы попросту — мужик,
Пойми, певал и до меня:
«Россия, родина моя!»

Но и с калужского холма
Мне открывалась она —
Даль, тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь —
Рок, что повсюду, через всю
Даль — всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!» Со всех — до горних звезд —
Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.

Ты! Сей руки своей лишусь,—
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля —
Гордыня, родина моя!

12 мая 1932

РОЛАНДОВ РОГ

Как бедный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве:
За князем — род, за серафимом — сонм,
За каждым — тысячи таких, как он, —
Чтоб, пошатнувшись, на живую стену
Упал — и знал, что тысячи на смену!

Солдат — полком, бес — легионом горд,
За вором — сброд, а за шутком — все горб.

Так, наконец, усталая держаться
Сознанием: долг и назначением: драться,—
Под свист глупца и мещанина смех, —
Одна за всех — из всех — противу всех,
Стою и шлю, закаменев от взлету,
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди — тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, Рог!

[1932]

ИЗ ЦИКЛА «СТОЛ»

1

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял — как шрам.

Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез —
Спасибо, что нес и нес.

Строжайшее из зеркал!
Спасибо за то, что стал —
Соблазнам мирским порог —
Всем радостям поперек,

Всем низостям — наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды — всему, всему.

Мой заживо-смертный тес!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных — большал, ширел,

Так ширился — до широт
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
Меня заливал, как шtrand!

К себе пригвоздив чуть свет —
Спасибо за то, что вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах —

Беглянку.

— «Назад, на стул!»

Спасибо за то, что блюл
И гнул. У невечных благ
Меня отбивал, как маг —

Сомнамбулу.

Битв рубцы,
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!

Столп столпника, уст затвор,
Ты был мне — престол, простор,
Тем был мне, что морю толп
Еврейских — горящий столп!

Так будь же благословен —
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный, — как пила,
В грудь ввевшийся — край стола!

Июль 1933

2

Тридцатая годовщина
Союза — верней любви.
Я знаю твои морщины,
Как знаешь и ты — мои,

Которых не ты ли — автор?
Съедавший за дестью десть,
Учивший, что нету — завтра,
Что только сегодня — есть.

И деньги и письма с почты —
Стол — сбрасывавший в поток!
Твердивший, что каждой строчки
Сегодня — последний срок.

Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меня положат —
Дурищу — да на тебя ж!

Мой письменный верный стол!
 Спасибо за то, что, ствол
 Отдав мне, чтоб стать — столом,
 Остался — живым стволом!

С листвы молодой игрой
 Над бровью, с живой корою,
 С слезами живой смолы,
 С корнями до дна земли!

17 июля 1933

Квиты: вами я объедена,
 Мною — живописаны.
 Вас положат — на обеденный,
 А меня — на письменный.

Оттого, что, йотой счастлива,
 Яств иных не ведала.
 Оттого, что слишком часто вы,
 Долго вы обедали...

Вы — с отрыжками, я — с книжками,
 С трюфелем, я — с грифелем,
 Вы — с оливками, я — с рифмами,
 С пикулем, я — с дактилем.

В головах — свечами смертными —
Спаржа толстоногая,
Полосатая десертная
Скатерть вам — дорогою!

Табачку пыхнем гаванского
Слева вам и справа вам.
Полотняная голландская
Скатерть вам — да саваном!..

Каплуном-то вместо голубя —
Порх душа при вскрытии!
А меня положат — голую:
Два крыла — прикрытием.

1933

* * *

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой,
Миска — плоской.

Через край — и мимо —
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

6 января 1934

* * *

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно,
Где — совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц — оцетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тшусь!),
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все — равны, мне все — равно,
И, может быть, всего равнее,

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Тáк край меня не уберег
Мой, что и 'самый зоркий сыщик
Вдоль всей души — всей поперек! —
Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все — равно, и все — едино.
Но если по дороге куст
Встает, особенно — рябина...

1934

ЧЕЛЮСКИНЦЫ

Челюскинцы: звук —
Как сжатые челюсти!
Мороз на них прет,
Медведь на них щерится.

И впрямь челюстями
— На славу всемирную —
Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!

На льдине (не то,
Что — черт его — Нобиле!)
Родили дитё
И псов не угробили —

На льдине!
Эол
Доносит по кабелю:
«На льдов произвол
Ни пса не оставили!»

И спасши (мечта
Для младшего возраста!),
И псов и дитя
Умчали по воздуху.

«Европа, глядишь?
Так льды у нас колются!»
Щекастый малыш,
Спеленатый — полюсом!

А рядом — сердит
На громы виктории —
Второй уже Шмидт
В российской истории:

Седыми бровями
Стесненная ласковость...

Сегодня — смеюсь!
Сегодня — да здравствует
Советский Союз!

За вас каждым мускулом
Держусь — и горжусь,
Челюскинцы — русские!

1934

* * *

Памяти Н. П. Гронского

Напрасно глазом, как гвоздем,
Пронизываю чернозем:
В сознании — верней гвоздя:
Здесь нет тебя — и нет тебя.

Напрасно в ока оборот
Обшариваю небосвод:
Дождь! — дождевой воды бадья.
Там нет тебя — и нет тебя.

Нет, ни которое из двух:
Кость — слишком кость, дух — слишком дух.
Где ты? где тот? где сам? где весь?
Там — слишком там, здесь — слишком здесь.

Не подменю тебя песком
И паром. Взявшего родством —
За труп и призрак не отдам.
Здесь — слишком здесь, там — слишком там.

Не ты — не ты — не ты — не ты.
Что́ бы ни пели нам попы,
Что смерть есть жизнь и жизнь есть смерть,—
Бог — слишком бог, червь — слишком червь.

На труп и призрак — неделим!
Не отдадим тебя за дым
Кадил,
Цветы
Могил.

И если где-нибудь ты есть,
Так — в нас. И лучшая вам честь,
Ушедшие — презреть раскол:
Совсем ушел. Со всем — ушел.

Январь 1935

БУЗИНА

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена!
Зеленее, чем плесень на чане.
Зелена — значит, лето в начале!
Синева — до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!

А потом — через ночь — костром
Ростопчинским! — В очах краснó
От бузиновой пузырчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь

Бузины...

Не звени! Не звени!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде, слаще яда!
Кумача, сургуча и ада —
Смесь, коралловых мелких бус —
Блеск, запекшейся крови — вкус!

Бузина казнена, казнена!
Бузина — цельный сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых —
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца — твоей — моей...

А потом — водопад зерна,
А потом — бузина черна,
С чем-то сливовым, с чем-то липким.
Над калиткой, стонавшей скрипкой
Возле дома, который пуст, —
Одинокий бузинный куст.

Новоселы моей страны!
Из-за ягоды бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день — ночьюми...),
Яда — всосанного очьми...

11 сентября 1931—21 мая 1935

ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТ

Ползет подземный змей,
Ползет, везет людей.
И каждый — со своей
Газетой (со своей
Экземой!). Жвачный тик,
Газетный костоед.
Жеватели мастик,
Читатели газет.

Кто чтец? Старик? Атлет?
Солдат? — Ни черт, ни лиц,
Ни лет. Скелет — раз нет
Лица: газетный лист!
Которым — весь Париж
С лба до пула одет.
Брось, девушка!

— Родишь

Читателя газет.

Кача — «живет с сестрой» —
ются — «убил отца!»—
Качаются — тщетою
Накачиваются.

Что́ для таких господ —
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!

Газет — читай: клевет,
Газет — читай: растрат.
Что ни столбец —навет,
Что ни абзац — отврат...

О, с чем на Страшный суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!

«Пошел! Пропал! Исчез!» —
Стар материнский страх.
Мать! Гуттенбергов *пресс*
Страшней, чем Шварцев *прах!*

Уж лучше на погост,
Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост,
Читателей газет!

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!

Вот, други, — и куда
Сильней, чем в сих строках! —
Что думаю, когда
С рукописью в руках

Стою перед лицом
(Пустее места — нет!),
Так значит — *нелицом*
Редактора газет-
ной нечисти.

15 ноября 1935

* * *

Никуда не уехали — ты да я:
Обернулись прорехам: — все моря!
Совладельцам пятерки рваной —
Океаны не по карману!

Нищеты вековечная сухомьять!
Снова лето, как корку, всухую мять!
Обернулось нам море — мелью:
Наше лето — другие съели!

С жиру лопающиеся: жир — их «лоск»,
Что не только что масло едят, а мозг
Наш — в поэмах, в сонатах, в сводах:
Людоеды в парижских модах!

Нами — лакомящиеся: франк за вход.
О, урод, как водой туалетной — рот
Сполоснувший — бессмертной песней!
Будьте прокляты вы — за весь мой

Стыд: вам руку жать, когда зуд в горстй,—
Пятью пальцами — да от всех пяти
Чувств — на память о чувствах добрых —
Через все вам лицо — автограф!

1932—1935

ДОМ

Лопушиный, ромашный
Дом — так мало домашний!

С тем особенным взглядом
Лбов — тяжелого весу.
Дом, что к городу — задом
Встал, а пёредом — к лесу.

По-медвежьи — радушен,
По-оленьи — рогат...
Из которого души
Во все очи глядят —

Во все окна. С фронтона
Вплоть до вросшего в глину:
Что окно — то икона,
Что лицо — то руина

И арена... (За старым,
Мне и жизнь и жильё
Заменившим каштаном —
Есть окно и мое.)

А рубахи! Как взмахи
Рук над жизнью разбитой!
О прорехи! Рубахи!
Точно стенопись битвы...

Бой за су-ще-ство-ванье.
Так и ночью и днем
Всех рубах рукавами
С смертью борется дом.

Не рассевшийся сиднем
И не пахнувший сдобным.
За который не стыдно
Перед злым и бездомным.

Не стыдятся же башен
Птицы, ночь переспав...
Дом, который не страшен
В час народных расправ.

[1935]

СТИХИ СИРОТЕ

1

Ледяная тиара гор —
Только брэнному лику рамка.

Я сегодня плющу — пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.

Я сегодня взяла тюльпан —
Как ребенка за подбородок.

17 августа 1936

Обнимаю тебя кругозором
 Гор, гранитной короною скал.
 (Занимаю тебя разговором —
 Чтобы легче дышал, крепче спал.)

Феодального замка боками,
 меховыми руками плюща.
 (Знаешь — плющ, обнимающий камень
 В сто четыре руки и ручья?)

Но не жимолость я и не плющ я!
 Даже ты, что руки мне родней,
 Не расплющен, а вольноотпущен
 На все стороны мысли моей!

...Кру́гом клумбы и кру́гом колодца,
 Куда камень придет — седым!
 Круговую порукой сиротства,
 Одиночеством круглым моим!

(Так вплелась в мои русые пряди
 Не одна серебристая прядь!)
 ...И рекой, разошедшейся на две,
 Чтобы остров создать — и обнять.

Всей Савойей и всем Пьемонтом,
 И — немножко хребет надлома —
 Обнимаю тебя горизонтом
 Голубым — и руками двумя!

24 августа 1936

Могла бы — взяла бы
 В утробу пещеры:
 В пещеру дракона,
 В тущобу пантеры.

В пантерины лапы —
 Могла бы — взяла бы:

Природы на лоно, природы на ложе.
 Могла бы — свою же пантерину кожу
 Сняла бы...

— Сдала бы тущобе — в учебу:
 В кустову, в хвощову, в ручьеву, в плющову.

Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке
 Сплетаются ветви на вечные браки...

Туда, где в граните, и в лыке, и в млеке
 Сплетаются руки на вечные веки —
 Как ветви — и реки...

В пещеру без света, в пещеру без следу.
 В листве бы, в плюще бы, в плюще — как в
 плаще бы.

Чтоб в дверь — не стучалось,
 В окно — не кричалось,
 Чтоб впредь — не случалось,
 Чтоб — ввек не кончалось!

Скороговоркой — ручья водой
 Бьющей: «Любимый! больной! родной!»

Речитативом — тоски протяжной:
 «Хилый! чуть-живой! сквозной! бумажный!»

От зева до чрева — продольным разрезом:
 «Любимый! желанный! жаленный! болезный!»

11 сентября 1936

Наконец-то встретила
 Надобного — мне:
 У кого-то смертная
 Надоба — во мне.

Что для ока — радуга,
 Злаку — чернозем,
 Человеку — надоба
 Человека — в нем.

Мне дождя и радуги
 И руки — нужней
 Человека надоба
 Рук — в руке моей.

Это — шире Ладоги
И горы верней:
Человека надоба
Ран — в руке моей.

И за то, что с язвою
Мне принес ладонь,
Эту руку — сразу бы
За тебя в огонь!

11 сентября 1936

СТИХИ К ЧЕХИИ

ИЗ ЦИКЛА «СЕНТЯБРЬ»

1

Есть на карте место:
Взглянешь — кровь в лицо!
Бьется в муке крестной
Каждое село.

Поделил — секирой —
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: все проест!

От крыльца — до статных
Гор, до орлиных гнезд —
В тысячи квадратных
Невозвратных верст —

Язва.

Лег на отдых
Чех: живым зарыт.

Есть в груди народов
Рана: *наш* убит!

Только край тот назван
Братский — дождь из глаз!
Жир, аферу празднуй!
Славно удалась.

Жир, Иуду чествуй!
Мы ж, в ком сердце есть:
Есть на карте место
Пусто: наша честь.

22 ноября 1938

2. О д и н о ф и ц е р

В Судетах, на лесной чешской
границе, офицер с двадцатью солда-
тами, оставив солдат в лесу, вышел на
дорогу и стал стрелять в подходивших
немцев. Конец его неизвестен.

(Из сентябрьских газет 1938 г.)

Чешский лесок —
Самый лесной.
Год — девятьсот
Тридцать восьмой.

День и месяц? — Вершины эхом:
«День, как немцы входили к чехам!»

Лес — красноват,
День — сине-сер.
Двадцать солдат,
Один офицер.

Крутолобый и круглолицый,
Офицер стережет границу.

Лес мой — кругом,
Куст мой — кругом,
Дом мой — кругом,
Мой — этот дом!

Леса не сдам,
Дома не сдам,
Края не сдам, —
Пяди не сдам!

Лиственный мрак.
Сердца испуг:
Прусский ли шаг?
Сердца ли стук?

Лес мой, прощай!
Век мой, прощай!
Край мой, прощай!
Мой — этот край!

Пусть целый край —
К вражьим ногам!
Я — под ногой —
Камня не сдам!

Топот сапог.
«Немцы!» — листок.
Грохот желез.
«Немцы!» — весь лес.

«Немцы!» — раскат
Гор и пещер.
Бросил солдат.
Один — офицер.

Из лесочку — живым манером —
На громаду да с револьвером!

Выстрела треск.
Треснул — весь лес!
Лес: рукоплеск!
Весь — рукоплеск!

Пока пулями в немца хлещет —
Целый лес ему рукоплещет!

Кленом, сосной,
Хвоей, листвою,
Всею сплошной
Чащей лесной —

Понесена
Добрая весть,
Что спасена
Чешская честь!

Значит — страна
Так не сдана,
Значит — война
Все же *была!*

Край мой, виват!
Выкуси, герр!
...Двадцать солдат.
Один офицер.

Октябрь 1938 — 17 апреля 1939

МАРТ

1. Колыбельная

В оны дни певала дрёма
По всем селам-деревням:
«Спи, младенец! Не то злому
Псу-татарину отдам!»

Ночью черной, ночью лунной —
По Тюрингии холмам:
«Спи, германец! Не то гунну
Кривоногому отдам!»

Днесь — по всей стране Богемской
Да по всем ее углам:
«Спи, богемец! Не то немцу,
Пану Гитлеру отдам!»

28 марта 1939

2. Пепелище

Налетевший на град Вацлава —
Так пожар пожирает траву...

Поигравший с богемской гранью! —
Так зола засыпает зданья,

Так метель заметает вежи...
От Эдема — скажите, чехи! —

Что́ осталось? — Пепелище.
Так чума веселит кладбище!

Налетевший на град Вацлава —
Так пожар пожирает траву.

Объявивший последний срок нам —
Так вода подступает к окнам,

Так зола засыпает зданья...
Над мостами и площадями

Плачет, плачет двухвостый львище...
Так чума веселит кладбище!

Налетевший на град Вацлава —
Так пожар пожирает траву.

Задушивший без содроганья —
Так зола засыпает зданья.

Отзовитесь, живые души!
Стала Прага — Помпеи глуше:

Шага, звука — напрасно ищем...
Так чума веселит кладбище!

30 марта 1939

3. Барабан

По богемским городам
Что́ бормочет барабан?
Сдан — сдан — сдан
Край — без славы, край — без бою.
Лбы — под серюю золою
Дум — дум — дум...
Бум!
Бум!
Бум!

По богемским городам
Или то не барабан
(Горы ропщут? Камни шепчут?),
А в сердцах смиренных чешских —
Гне-ва
Гром:
«Где
Мой
Дом?»

По усопшим городам
Возвещает барабан:
«Вран! Вран! Вран!»
Завелся в Градчанском замке!

В ледяном окне — как в рамке
(Бум! Бум! Бум!) —
Гунн!
Гунн!
Гунн!

30 марта 1939

4. Г е р м а н и и

О дева, всех румянее
Среди зеленых гор —
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!

Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь — сказками туманила,
Днесь — танками пошла.

Пред чешскою крестьянкою
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?

Пред горестью безмерною
Сей *маленькой* страны —
Что чувствуете, Германы:
Германии сыны?

О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!

С объятьями удавими
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, *словачь!*

В хрустальное подземие
Уйдя — готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!

10 апреля 1939

5. М а р т

Атлас — что колода карт:
В лоск перетасован!
Поздравляет — каждый март:
«С краем, с паем с новым!»

Тяжек мартовский оброк:
Земли — цепи горны.
Ну и карточный игрок!
Ну и стол игорный!

Полны́ руки козырей:
В ордена одетых
Безголовых королей,
Продувных валетов.

«Мне и кости, мне и жир!»
Так играют — тигры.
Будет помнить целый мир
Мартовские игры.

В свои козыри — игра
С картой европейской.
(Чтоб Градчанская гора —
Да скалой Тарпейской!)

Злое дело не нашло
Пули: дули пражской.
Прага — что́! И Вена — что́!
На Москву — отважься!

Отольются — чешский дождь,
Пражская обида.
Вспомни, вспомни, вспомни, вождь,
Мартовские Иды!

22 апреля 1939

6. Взяли...

Чехи подходили к немцам и плевали.

(См. мартовские газеты 1939 г.)

Брали — скоро, и брали — щедро:
Взяли горы, и взяли недра,
Взяли уголь, и взяли сталь,
И свинец у нас, и хрусталь.

Взяли сахар, и взяли клевер,
Взяли Запад, и взяли Север,
Взяли улей, и взяли стог,
Взяли Юг у нас и Восток.

Вары — взяли, и Татры — взяли,
Взяли близи, и взяли дали,
Взяли больше, чем рай земной:
Битву взяли — за край родной.

Взяли пули, и взяли ружья,
Взяли руды, и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна —
Вся страна вооружена!

9 мая 1939

7. Лес

Видели, как рубят? Руб —
Рубом! За дубом — дуб.
Только убит — воскрес!
Не погибает — лес.

Так же, как мертвый лес
Зелен — минутой чрез! —
(Мох — что зеленый мех!),
Не погибает — чех.

9 мая 1939

8

О слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!

О черная гора,
Затмившая весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть
Вниз — по течению спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

15 марта — 11 мая 1939

9

Не бесы — за иноком,
Не горе — за гением,
Не горной лавины ком,
Не вал наводнения,

Не красный пожар лесной,
Не заяц — по зарослям,
Не ветлы — под бурею, —
За фюрером — фурии!

15 мая 1939

10. Народ

Его и пуля не берет,
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
«Народ! Какой народ!»

Народ — такой, что и поэт —
Глашатай всех широт, —

Что и поэт, раскрывши рот,
Стоит: такой народ!

Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать, —
Измором взять такой народ?
Гранит — измором взять!

(Сидит — и камешек гранит,
И грамотку хранит...
В твоей груди зарыт — горит! —
Гранат, творит — магнит.)

...Что радишь из своей груди
Достал и подал: вот!
Живым — Европы посреди —
Зарыть такой народ?

Бог! Если ты и сам — такой,
Народ моей любви
Не со святыми упокой —
С живыми оживи!

20 мая 1939

11

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал — гранит.

Процветай, народ,—
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

21 мая 1939
Париж

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

(Из Ицхока Переца)

Крадется к городу впотьмах
Коварный враг.
Но страж на башенных зубцах
Заслышал шаг.

Берет трубу,
Трубит во всю мочь.
Проснулась ночь.
Все граждане — прочь
С постели! Не встал лишь мертвец в гробу.

И меч
Говорит
Всю ночь.

Бой в каждом доме,
У каждых ворот.

— За мать, за жену!
— За край, за народ!

За право и вольность — кровавый бой,
Бог весть — умрем или победим,
Но долг свой выполнил часовой,
И край склоняется перед ним.

Не спавшему — честь!
Подавшему весть,
Что воры в дому, —
Честь стражу тому!

Но вечный укор,
Но вечный позор,
Проклятье тому —
Кто час свой проспал
И край свой застал
В огне и в дыму!

1941

Москва

ПОЭМЫ

ПОЭМА ГОРЫ

Dich wundert die Rede? Liebster! Alle
Scheidenden reden wie Trunkene und
nehmen gerne sich festlich.

*Hölderlin **

Посвящение

Вздогнешь — и горы с плеч,
И душа — горé.
Дай мне о горе спеть:
О моей горé!

Красной ни днешь, ни впредь
Не заткну дыры.
Дай мне о горе спеть
Наверху горы.

* Тебя удивляет эта речь? Любимый! Все расстающиеся говорят как во хмелю и любят держаться торжественно. *Гельдерлин (нем.)*.— *Ред.*

Та гора была, как грудь
 Рекрута, снарядом сваленного.
 Та гора хотела губ
 Девственных, обряда свадебного

Требовала та гора. —
 Океан в ушную раковину
 Вдруг ворвавшимся ура! —
 Та гора гнала и ратовала.

Та гора была как гром!
 Грудь, титанами разыгранная!
 (Той горы последний дом
 Помнишь — на исходе пригорода?)

Та гора была — миры!
 Бог за мир взывает дорого!

 Горе началось с горы.
 Та гора была над городом.

Не Парнас, не Синай,
 Просто голый казарменный
 Холм. — «Равняйся! Стреляй!»
 Отчего же глазам моим
 (Раз октябрь, а не май)
 Та гора была — рай?

Как на ладони поданный
 Рай — не берись, коль жгуч!
 Гора бросалась под ноги
 Колдобинами круч.

Как бы титана лапами
 Кустарников и хвой
 Гора хватала за полы,
 Приказывала: «Стой!»

О, далеко не азбучный
 Рай: сквознякам сквозняк!
 Гора валила навзничь нас,
 Притягивала: «Ляг!»

Оторопел под натиском,—
 Как? Не понять и днесь! —
 Гора, как сводня — святости,
 Указывала: «Здесь...»

Персефоны зерно гранатовое,
 Как забыть тебя в стужах зим?
 Помню губы, двойною раковиной
 Приоткрывшиеся моим.

Персефона, зерном загубленная!
 Губ упорствующий багрец,
 И ресницы твои — зазубринами,
 И звезды золотой зубец.

Не обман — страсть, и не вымысел!
 И не лжет — только не дли!
 О, когда бы в сей мир явились мы
 Простолюдинами любви!

О, когда б здраво и попросту:
 Просто — холм, просто — бугор...
 Говорят — тягою к пропасти
 Измеряют уровень гор.

В ворохáх вереска бурого,
 В островах страждущих хвой...
 (Высота бреда — над уровнем
 Жизни.)

— «Нá же меня! Твой...»

Но смьи тихие милости,
 Но птенцов лепет — увы!
 Оттого что в сей мир явились мы
 Небожителями любви!

Гора горевала (а горы глиной
 Горькой горюют в часы разлук),
 Гора горевала о голубиной
 Нежности наших безвестных утр.

Гора горевала о нашей дружбе:
Губ непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды *
Сбудется — по слезам его.

Еще горевала гора, что табор —
Жизнь, что весь век по сердцам базарь!
Еще горевала гора: хотя бы
С дитятком — отпустил Агарь!

Еще говорила, что это демон
Крутит, что замысла нет в игре.
Гора говорила. Мы были немые.
Предоставляли судить горе.

7

Гора горевала, что только грустью
Станет — что нынче и кровь и зной,
Гора говорила, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой!

Гора горевала, что только дымом
Станет — что ныне и Мир и Рим.
Гора говорила, что быть с другими
Нам (не завидую тем, другим!).

* Коемужды (слав.) — каждому. — Ред.

Гора горевала о страшном грузе
Клятвы, которую поздно клясть.
Гора говорила, что стар тот узел
Гордиев: долг и страсть.

Гора горевала о нашем горе:
Завтра! Не сразу! Когда над лбом —
Уж не memento*, а просто — море!
Завтра, когда пойдем!

Звук — ну... как будто бы кто-то просто,
Ну... плачет вблизи?
Гора горевала о том, что врозь нам
Вниз, по такой грязи —

В жизнь, про которую знаем все мы:
Сброд — рынок — барак.
Еще говорила, что все поэмы
Гор — пишутся *тáк*.

8

Та гора была, как горб
Атласа, титана стонущего.
Той горою будет горд
Город, где с утра и до ночи мы

* Memento mori (лат.) — помни о смерти.— *Ред.*

Перевалы мои выстранивать,
Все овраги мои — вверх дном!
Ибо надо ведь хоть кому-нибудь
Дóма — в счастье, и счастья — в дом!

Счастья — в доме! Любви без вымыслов!
Без вытягивания жил!
Надо женщиной быть — и вынести!
(Было-было, когда ходил,

Счастье — в доме!) Любви, не скрашенной
Ни разлукою, ни ножом.
На развалинах счастья нашего
Город встанет: мужей и жен.

И на том же блаженном воздухе, —
Пока можешь еще — грехи! —
Будут лавочки на отдыхе
Пережевывать барыши,

Этажи и ходы надумывать,
Чтобы каждая нитка — в дом!
Ибо надо ведь хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом!

10

Но под тяжестью тех фундаментов
Не забудет гора — игры.
Есть беспутные, нет — беспамятных:
Горы времени — у горы!

По упорствующим расселинам
Дачник, поздно хватясь, поймет:
Не пригорок, поросший семьями, —
Кратер, пущенный в оборот!

Виноградниками — Везувия
Не сковать! Великана — льном
Не связать! *Одного* безумия
Уст — достаточно, чтобы львом

Виноградники за-ворочались,
Лаву ненависти струя.
Будут девками ваши дочери
И поэтами — сыновья!

Дочь, ребенка расти внебрачного!
Сын, цыганкам себя страви!
Да не будет вам места злачного,
Телеса, на моей крови!

Тверже камня краеугольного,
Клятвой смертника на одре:
Да не будет вам счастья дольного,
Муравьи, на моей горе!

В час неведомый, в срок негаданный
Опознаете всей семьей
Непомерную и громадную
Гору заповеди седьмой!

Послесловие

Есть пробелы в памяти — бельма
На глазах: семь покрывал.
Я не помню тебя отдельно.
Вместо черт — белый провал.

Без примет. Белым пробелом —
Весь. (Душа — в ранах сплошных,
Рана — сплошь.) Частности мелом
Отмечать — дело портных.

Небосвод — цельным основан.
Океан — скопище брызг?!
Без примет. Верно, особый —
Весь. Любовь — связь, а не сыск.

Вороной, русой ли масти —
Пусть сосед скажет: он зряч.
Разве страсть — делит на части?
Гробовщик я, или врач?

Ты — как круг, полный и цельный:
Цельный вихрь, *полный* столбняк.
Я не помню тебя отдельно
От любви. Равенства знак.

(В вороха́х сонного пуха:
Водопад, пены холмы, —
Новизной, странной для слуха,
Вместо я — тронное *мы...*)

Но зато в нищей и тесной
Жизни («жизнь, как она есть»)
Я не вижу тебя совместно
Ни с одной:
— памяти мечь!

1 января — 1 февраля 1924
Прага. Гора

ПОЭМА КОНЦА

1

В небе, ржавее жести,
Перст столба.
Встал на означенном месте,
Как судьба.

«Без четверти. Исправен?» —
«Час не ждет».
Преувеличенно-плавлен
Шляпы взлет.

В каждой реснице — вызов.
Рот сведен.
Преувеличенно-низок
Был поклон.

«Без четверти. Точен?»
Голос лгал.

Сердце упало: что́ с ним?
Мозг: сигнал!

Небо дурных предвестий:
Ржавь и жесть.
Ждал на обычном месте.
Время: шесть.

Сей поцелуй без звука:
Губ столбняк.
Так — государыням руку,
Мертвым — так...

Мчащийся простолюдин
Локтем — в бок.
Преувеличенно-нуден
Взвыл гудок.

Взвыл — как собака взвизгнул,
Длился, злясь.
(Преувеличенность жизни
В смертный час.)

То, что вчера — по пояс,
Вдруг — до звёзд.
(Преувеличенно — то есть
Во весь рост.)

Мысленно: милый, милый.
«Час? — Седьмой.
В кинематограф или?..»
Взрыв: «Домой!»

Братство таборное, —
 Вот куда вело!
 Громом на голову,
 Саблей наголо,

Всеми ужасами
 Слов, которых ждем,
 Домом рушащимся, —
 Слово: дом.

Заблудшего баловня
 Вопль: «Домой!»
 Дитя годовалое:
 «Дай» и «мой»!

Мой брат по беспутству,
 Мой зноб и зной,
 Так из дому рвутся,
 Как ты — домой!

Конем, рванувшим конювязь —
 Ввысь! — и веревка в прах.
 «Но никакого дома ведь!» —
 «Есть, — в десяти шагах:

Дом на горе». — «Не выше ли?» —
 «Дом на верху горы.
 Окно под самой крышею». —
 «Не от одной зари

Горяще? Так сызнава
Жизнь?» — Простота поэм!
Дом, это значит: из дому
В ночь.

(О, кому повем

Печаль мою, беду мою,
Жуть, зеленее льда?..)
«Вы слишком много думали».
Задумчивое: «Да».

3

И — набережная. Воды
Держусь, как толщи плотной.
Семирамидины сады
Висячие — так вот вы!

Воды (стальная полоса
Мертвецкого оттенка)
Держусь, как нотного листа —
Певица, края стенки —

Слепец... Обратис не отдашь?
Нет? Наклонюсь — услышишь?
Всеутолительницы жажд
Держусь, как края крыши —

Лунатик...

Но не от реки
Дрожь, — рождена наядой!

Рски держаться, как руки,
Когда любимый рядом —

И верен...

Мертвые верны.

Да, но не всем в каморке...

Смерть с левой, с правой стороны —

Ты.

Правый бок как мертвый.

Разительного света сноп.

Смех — как грошовый бубен.

«Нам с вами нужно бы...»

(Озноб.)

...Мы мужественны будем?»

4

Тумана белокурого

Волна — воланом газовым.

Надышано, накурено,

А главное — насказано!

Чем пахнет? Спешкой крайнею,

Потачкой и грешком:

Коммерческими тайнами

И бальным порошком.

Холостяки семейные

В перстнях, юнцы маститые...

Нашучено, насмеяно,

А главное — насчитано!

И крупными, и мелкими,
И рыльцем, и пушком..
Коммерческими сделками
И бальным порошком.

(Вполоборота: это вот —
Наш дом? — Не я хозяйкою!)
Один — над книжкой чековой,
Другой — над ручкой лайковой,

А тот — над ножкой лаковой
Работает тишком..
Коммерческими знаками
И бальным порошком.

Серебряной зазубриной
В окне — звезда мальтийская!
Наласкано, налюблено,
А главное — натискано,

Нашипано!.. (Вчерашняя
Снедь — не взыщи: с душком!..)..
Коммерческими шашнями
И бальным порошком.

Цепь чересчур короткая?
Зато не сталь, а платина!
Тройными подбородками
Тряся, тельцы — телятину

Жуют. Над шейкой сахарной
Черт — газовым рожком...

Коммерческими крахами
И неким порошком —

Бёртольда Шварца...

Даровит

Был — и заступник людям.
«Нам с вами нужно говорить.
Мы мужественны будем?»

5

Движение губ ловлю.
И знаю — не скажет первым.
«Не любите?» — «Нет, люблю». —
«Не любите!» — «Но истерзан,

Но выпит, но изведен.
(Орлом озирая местность):
«Помилуйте, это дом?» —
«Дом — в сердце моем». — «Словеснясть!

Любовь — это плоть и кровь.
Цвет, собственной кровью полит.
Вы думаете: любовь —
Беседовать через столик?

Часочек — и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит...» —
«Храм?»
Дитя, замените шрамом

На шраме!» — «Под взглядом слуг
И бражников? (Я, без звука:
Любовь — это значит: лук
Натянутый, лук — разлука.)

Любовь, это значит — связь,
Всё врозь у нас: рты и жизни». —
(Просила ж тебя: не сглазь!
В тот час, в сокровенный, ближний,

Тот час на верху горы
И страсти. Memento* — паром:
Любовь — это все дары
В костер — и всегда задаром.)

Рта раковинная щель
Бледна. Не усмешка — опись.
«И прежде всего одна
Постель». —
«Вы хотели: пропасть

Сказать?» — Барабанный бой
Перстов. — «Не горами двигать!
Любовь, это значит...» —
«Мой.
Я вас понимаю. Вывод?»

Перстов барабанный бой
Растет. (Эшафот и площадь.)

* Здесь: память (лат.). — Ред.

«Уедем». — «А я: умрем,
Надеялась. Это проще!

Достаточно дешеви́зн:
Рифм, рельс, номеров, вокзалов...» —
«Любовь, это значит: жизнь». —
«Нет, иначе называлось

У древних...» —

«Итак?

(Лоскут

Платка заплясал, как рыба.)

Так едемте?» — «Ваш маршрут?
Яд, рельсы, свинец — на выбор!

Смерть — и никаких устройств!» —
«Жизнь!» — Как полководец римский,
Орлом озирая войск
Остаток.

— «Тогда простимся».

6

«Я этого не хотел.
Не этого. (Молча: слушай!
Хотеть, это дело тел,
А мы друг для друга — души

Отныне...) — И не сказал.
(Да, в час, когда поезд подан,
Вы женщинам, как бокал,
Печальную честь ухода

Вручаєте...) — Может, бред?
Ослышался? (Лжец учтивый,
Красавице, как букет,
Кровавую честь разрыва

Вручающий...) Внятно: слог
За слогом, итак — простимся
Сказали вы? (Как платок,
В час сладостного бесчинства

Уроненный...) Битвы сей
Вы — Цезарь». (А вы — так Яго:
Противнику, как трофей,
Мной выбитую же шпагу

Вручать!) — Продолжат. — Звон
В ушах... «Преклоняюсь дважды:
Впервые опережен
В разрыве». — «Вы это каждой?

Не опровергайте! Месть,
Достойная Ловеласа.
Жест, делающий вам честь,
А мне разводящий мясо

От кости». — Смешок. Сквозь смех —
Смерть. Жест. (Никаких хотений.
Хотеть, это дело тех,
А мы друг для друга — тени

Отныне...) Последний гвоздь
Вбит. Винт, ибо гроб свинцовый.

«Последнейшая из просьб». —
«Прошу». — «Никогда ни слова

О нас... Никому из... ну...
Последующих». (С носилок
Так раненые — в весну!)
«О том же и вас просила б.

Колечко на память дать?» —
«Нет». — Взгляд, широко разверстый,
Отсутствует. (Как печать
На сердце твое, как перстень

На руку твою... Без сцен!
Съем.) Вкрадчивее и тише:
«Но книгу тебе?» — «Как все?»
Нет, вовсе их не пишете,
Книг...»

Значит, не надо.
Значит, не надо.
Плакать не надо.

В наших бродячих
Братствах рыбацких
Пляшут — не плачут.

Пьют, а не плачут.
Кровью горячей
Платят — не плачут,

Жемчуг в стакане
Плавят — и миром
Правят — не плачут.

— Так я ухожу? — Насквозь
Гляжу. Арлекин, за верность,
Пьеретте своей — как кость
Презреннейшее из первенств

Бросающий: честь конца,
Жест занавеса. Реченье
Последнее. Дюйм свинца
В грудь: лучше бы, горячей бы

И — чище бы...
Зубы
Втиснула в губы.
Плакать не буду.

Самую крепость —
В самую мякоть.
Только не плакать.

В братствах бродячих
Мрут, а не плачут,
Жгут, а не плачут.

В пепел и в песню
Мертвого прячут
В братствах бродячих.

— Так первая? Первый ход?
Как в шахматы, значит! Впрочем,
Ведь даже на эшафот
Нас первыми просят...

«Срочно

Прошу, не глядите!» — Взгляд.
(Вот-вот уже хлынут градом!
Ну как их загнать назад
В глаза?!) «Говорю, не надо
Глядеть!!!»

Внятно и громко,
Взгляд в вышину:
«Милый, уйдемте,
Плакать начну».

Забыла! Среди копилок
Живых (коммерсантов — тож!)
Белокурый сверкнул затылок:
Маис, кукуруза, рожь!

Все заповеди Синая
Смывая — менады мех! —
Голконда волосяная,
Сокровищница утех

(Для всех!). Не напрасно копит
Природа, не сплошь скупа!
Из сих белокурых тропик,
Охотники, — где тропа

Назад? Наготовою грубой
Дразня и слепя до слез,
Сплошным золотым прелюбом
Смеющимся — пролилось.

«Не правда ли?» Лгнуший, мнуший
Взгляд. В каждой реснице — зуд.
И главное — эта гуща!
Жест, скручивающий в жгут.

О, рвущий уже одежды
Жест! Проще, чем пить и есть —
Усмешка! (Тебе надежда,
Увы, на спасенье есть!)

И — сестрински или братски?
Союзнически: союз!
Не похоронив — смеяться!
(И похоронив — смеюсь.)

7

И — набережная. Последняя.
Всё. Порознь и без руки,
Чурающимися соседями
Бредем. Со стороны реки —

Плач. Падающую соленую
Ртуть слизываю без забот:
Луны огромной Соломоновой
Слезам не выслал небосвод.

Столб. Отчего бы лбом не стукнуться
В кровь? Вдребезги бы, а не в кровь!
Страшались сопреступниками
Бредем. (Убитое — Любовь.)

Брось! Разве это двое любящих?
В ночь? Порознь? С другими спать?
«Вы понимаете, что будущее —
Там?» Запрокидываюсь вспять.

Спать! — Новобрачными по коврику...
Спать! — Всё не попадаем в шаг,
В такт. Жалобно: «Возьмите под руку!
Не каторжники, чтобы так!..»

Ток. (Точно мне душою — на руку
Лег! — На руку рукою.) Ток
Бьет, проводами лихорадочными
Рвет, — на душу рукою лег!

Льнет. Радужнее всё! Что радужнее
Слез? Занавесом, чаще бус,
Дождь. «Я таких не знаю набережных
Кончающихся». Мост — и:
«Ну-с?»

Здесь? (Дроги поданы.)
Спо-койных глаз
Взлет. «Можно до дому?
В по-следний раз!»

По-следний мост.
 (Руки не отдам, не выну!)
 Последний мост,
 Последняя мостовина.

Во-да и твердь.
 Выкладываю монеты.
 День-га за смерть,
 Харонова мзда за Лету.

Мо-неты тень
 В руке теневой. Без звука
 Мо-неты те.
 Итак, в теневую руку —

Мо-неты тень.
 Без отсвета и без звяка.
 Мо-неты — тем.
 С умерших довольно маков.

Мост.

Бла-гая часть
 Любовников без надежды:
 Мост, ты — как страсть:
 Условность, сплошное между.

Гнезжусь: тепло,
 Ребро — потому и льну так.

Ни до, ни по!
Прозрения промежуток.

Ни рук, ни ног...
Всей костью и всем упором:
Жив только бок,
О смежный теснюсь которым.

Вся жизнь — в боку!
Он — ухо и он же — эхо.
Желтком к белку
Леплюсь, самоедом к меху

Теснюсь, леплюсь,
Мошусь. Близнецы Сиама,
Что — ваш союз?
Та женщина — помнишь: мамой

Звал? — все и вся
Забыв, в торжестве недвижимом
Тебя нося,
Тебя не держала ближе.

Пойми! Сжились!
Сбылись! На груди баюкал!
Не брошусь вниз!
Нырять — отпускать бы руку

При-шлось. И жмусь,
И жмусь... И неотторжима.
Мост, ты не муж:
Любовник — сплошное мимо!

Мост, ты за нас!
Мы реку телами кормим!
Плющом впились,
Клещом: вырывайте с корнем!

Как плющ! Как клещ!
Безбожно! Бесчеловечно!
Бро-сать, как вещь,
Меня, ни единой вещи

Не чтившей в сём
Вещественном мире дутым!
Скажи, что сон!
Что ночь, а за ночью — утро,

Эк-спресс и Рим!
Гренада? Сама не знаю,
Смахнув перин
Монбланы и Гималаи.

Про-гал глубокий:
Последнею кровью грею.
Про-слушай бок!
Ведь это куда вернее

Сти-хов... Прогрет
Ведь? Завтра к кому наймешься?
Ска-жи, что бред!
Что нет и не будет мосту
Кон-ца...

— Конец.

— Здесь? Детский, божеский
Жест.— «Ну-с?» — Впилась:
«Е-ще немножечко:
В последний раз!»

9

Корпусами фабричными, зычными
И отзывчивыми на зов...
Сокровенную, подъязычную
Тайну жен от мужей, и вдов

От друзей — тебе, подноготную
Тайну зева от чрева, — вот:
Я не более чем животное,
Кем-то раненное в живот.

Жжет... Как будто бы душу сдернули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная,
Именуемая: *душа*.

Христианская немочь бледная!
Пар! Припарками обложить!
Да ее никогда и не было!
Было тело, хотело жить,—

Жить не хочет.

Прости меня! Не хотела!
Вопль вспоротого нутра!
Так смертники ждут расстрела
В четвертом часу утра

За шахматами... Усмешкой
Дразня коридорный глаз.
Ведь шахматные же пешки!
И кто-то играет в нас.

Кто? Боги благие? Воры?
Во весь окоём глазка —
Глаз. Красного коридора
Лязг. Вскинутая доска.

Махорочная затыжка.
Сплев. Пожили, значит — сплев.
...По сим тротуарам в шашку —
Прямая дорога: в ров

И в кровь. Потайное око:
Луны слуховой глазок...

.
И покосившись сбоку:
«Как ты уже далек!»

Совместный и сплбченный
Вздог. — Наша молочная!
Наш остров, наш храм,

Где мы по утрам
(Сброд! Пара минутная!)
Справляли заутреню.

Базаром и закисью,
Сквозь-сном и весной...
Здесь кофе был пакостный, —
Совсем овсяной!

(Овсом — своенравие
Гасить в рысаках!)
Отнюдь не Аравией —
Аркадией пах

Тот кофе: младенчеством,
Свирельной лозой
И козьим бубенчиком
(И явно — козой!).

Но как улыбалась нам,
Рядком усадив,
Бывалой и жалостной
Любовниц седых

Улыбкою бережной:
Увянешь! Живи!
Безумью, безденежью,
Зевку и любви,

А главное — юности!
Смешку — без причин,
Усмешке — без умысла,
Лицу — без морщин, —

О, главное — юности!
Страстям не по климату!
Откуда-то дунувшей,
Откуда-то хлынувшей

В молочную тусклую:
Бурнус и Тунис! —
Надеждам и мускулам
Под ветхостью риз...

(Дружочек, не жалуясь:
Рубец на рубце!)
О, как провожала нас
Хозяйка в чепце

Голландского глаженья...

Не довспомнивши, не допонявши,
Точно с праздника уведены...
Наша улица! — Уже не наша... —
Сколько раз по ней!.. — Уже не мы...

Завтра с запада встанет солнце!
С Иего́вой порвет Давид!
Что́ мы делаем? — Расстаемся.
Ничего мне не говорит

Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас-стаемся. — Одна из ста?
Просто слово в четыре слога,
За которыми — пустота!

Стой! По-сербски и по-кroatски,
Верно? Чехия в нас чудит?
Рас-ставание. Расставаться...
Сверхъестественнейшая дичь!

Звук, от коего уши рвутся,
Тянутся за предел тоски...
Расставание — не по-русски!
Не по-женски! не по-мужски!

Не по-божески! Чтó мы, овцы,
Раззевавшиеся в обед?
Расставанье — ни по-каковски!
Даже смысла такого нет!

Даже звука! Ну, просто польй
Шум — пилы, например, сквозь сон.
Расставание — просто школы
Хлебникова соловьиный стон,

Лебединый...

Но как же вышло?
Точно высохший водоем —
Воздух! Руку о руку слышно.
Расставаться — ведь это гром

На́ голову... Океан в каюту!
Океании крайний мыс!
Эти улицы — слишком круты:
Расставаться — ведь это вниз,

Под гору... Двух подошв пудовых
Вдох... Ладонь, наконец, и гвоздь!
Опрокидывающий довод:
Расставаться — ведь это врозь,

Мы же — сросшиися...

11

Разом проигрывать —
Чище нет!
Загород, пригород:
Дням конец.

Негам (читай: камням),
Дням, и домам, и нам.

Дачи пустующие! Как мать
Старую — так же чту их.
Это ведь действие — пустовать:
Полое — не пустует.

(Дачи, пустующие на треть,
Лучше бы вам сгореть!)

Только не вздрагивать,
Рану вскрыв.
Загород, загород,
Швам разрыв, —

Ибо — без лишних слов
Пышных — любовь есть шов.

Шов, а не пёревязь, шов — не щит
(О, не проси защиты!),
Шов, коим ветер к земле пришит,
Коим к тебе пришита.

(Время покажет, дитя, каким:
Легким или тройным!)

Так или йначе, друг, — по швам!
Дребезги и осколки!
Только и славы, что треснул сам:
Треснул, а не расползся.

Что под наметкой — живая жиль
Красная, а не гниль!

О, не проигрывает —
Кто рвет!
Загород, пригород:
Лбам развод.

По слободам казнят
Нынче, — мозгам сквозняк!

О, не проигрывает, кто прочь —
В час, как заря займется.
Целую жизнь тебе сшила в ночь
Набело, без наметки.

Так не кори же меня, что вкривь.
Пригород: швам разрыв.

Души неприбранные —
В рубцах!..
Загород, пригород...
Яр размах

Пригорода. Сапогом судьбы,—
Слышишь,— по глине жидкой?
...Скорую руку мою суди,
Друг, да живую нитку

Цепкую,— как ее ни канай!
По-последний фонарь!

Здесь? Словно заговор —
Взгляд. Низших рас
Взгляд.— «Можно на́ гору?
В по-последний раз!»

12

Частой гривою —
Дождь в глаза. Холмы.
Миновали пригород.
За́ городом мы.

Есть, да нету нам!
Мачеха — не мать.
Дальше некуда.
Здесь околевать.

Поле. Изгородь.
Брат, стоим, с сестрой.
Жизнь есть пригород.
За городом — строй!

Эх, проигранное
Дело, господа!
Всё-то — пригороды!
Где же города?!

Рвет и бесится
Дождь. Стоим и рвем.
За три месяца
Первое вдвоем!

И у Иова,
Бог, хотел займы?
Да не выгорело:
За городом мы!

За городом! Понимаешь? За!
Вне! Перешед вал.
Жизнь — это место, где жить нельзя:
Еврейский квартал...

Так не достойнее ль во сто крат
Стать вечным жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,
Еврейский погром —

Жизнь. Только выкрестами жива!
Иудами вер!
На прокаженные острова!
В ад! — всюду! — но не в

Жизнь, — только выкрестов терпит лишь,
Овец — палачу!
Право-на-жительство-свой-лист
Но-гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит —
Мечь! — В месиво тел!
Не упоительно ли, что жид
Жить — не захотел?!

Гетто избранничеств! Вал и ров.
По-щадь не жди!
В сём христианнейшем из миров
Поэты — жида!

13

Так ножи вострят о камень,
Так опилки метлами
Смахивают. Под руками —
Меховое, мокрое.

Где ж вы, двойни:
Сушь мужская, мощь?
Под ла-донью —
Слезы, а не дождь!

О каких еще соблазнах
Речь? Водой — имущество!
После глаз твоих алмазных,
Под ладонью льющихся, —

Нет пропажи
Мне. Конец концу!
Глажу — глажу —
Глажу по лицу.

Такова у нас, Маринок,
Спесь, — у нас, полячек-то.
После глаз твоих орлиных,
Под ладонью плачущих...

Плачешь? Друг мой!
Все мое! Прости!
О, как крупно,
Солоно в горсти.

Жестока слеза мужская:
Обухом по темени!
Плачь, с другими наворачтаешь
Стыд, со мной потерянный.

Оди-накового
Моря — рыбы. Взмах:
...Мертвой раковиной
Губы на губах.

В слезах.
Лебеда —
На вкус.
А завтра
Когда
Проснусь?

14

Тропою овечьей —
Спуск. Города гам.
Три девки навстречу.
Смеются. Слезам

Смеются, — всем полднем
Недр, гребнем морским!
Смеются! Недолжным,
Позорным, мужским

Слезам твоим, видным
Сквозь дождь — в два рубца!
Как жемчуг — постыдным
На бронзе бойца.

Слезам твоим первым,
Последним (о, лей!),
Слезам твоим — перлам
В короне моей!

Глаз явно не туплю.
Сквозь ливень — перюсь.
Венерины куклы,
Вперяйтесь! Союз

Сей более тесен,
Чем влечься и лечь.
Самой Песней Песен
Уступлена речь

Нам, птицам безвестным, —
Челом Соломон
Бьет, ибо совместный
Плач — больше, чем сон!

И в полые волны
Мглы — сгорблен и равн —
Бесследно, безмолвно —
Как тонет корабль.

1 февраля — 8 июня 1924
Прага — Иловици

ПРИМЕЧАНИЯ

Произведения, составившие настоящий сборник, в большинстве своем входили в книги Марины Цветаевой: «Версты», выпуск первый (Государственное издательство, Москва, 1922), «Версты», издание второе (издательство «Костры», Москва, 1922), «Стихи к Блоку» (издательство «Огоньки», Берлин, 1922), «Психея» (издательство З. И. Гржебина, Берлин, 1923), «Ремесло» (издательство «Геликон», Москва—Берлин, 1923), «После России», тетрадка первая, 1922—1925 (Париж, 1928), Многие стихотворения были напечатаны в разное время в различных альманахах и журналах. Ряд стихотворений в недавнее время был опубликован в советской печати — в сборниках «День поэзии», М. 1956 («Стихи к Чехии»: «Народ», «Барабан», «О, слезы на глазах!..», «Не умрешь, народ!..», «Взяли...», «Один офицер»; «Читатели газет», «Владимиру Маяковскому», «Поэт и царь», «Вчера еще в глаза глядел...», «Писала я на аспидной доске...»), «Литературная Москва», сборник второй, М. 1956 («Моим стихам, написанным так рано...», «Белое солнце и низкие, низкие тучи...», «У первой бабки четыре сына...», «Что же мне делать, слепцу и пасынку...», «Попытка ревности», «Мой письменный верный стол!..»), «Антология русской советской поэзии», том I, М. 1957 («Барабан», «Взяли...», «Один офицер», «О, слезы на глазах!..»).

В архиве Марины Цветаевой, сохранившемся у ее дочери, А. С. Эфрон, имеются выправленный автором машинописный экземпляр неизданного сборника «Юношеские стихи» (1912—1915), а также беловые тетради, в которых М. Цветаева в 1939—1940 годах объединила большинство своих стихотворных произведений, написанных в период с 1916 по 1939 год. Текст многих произведений, включенных в эти тетради, был переработан М. Цветаевой сравнительно с первыми их публикациями. По тексту этих двух рукописных собраний и печатается бóльшая часть произведений, составивших данную книгу.

Двадцать одно стихотворение публикуется здесь впервые, а именно: «Бабушке», «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...», «Счастье или грусть...», «Август — астры...», «Простите меня, мои горы!..», «На брэнность бедную мою...», «Одна половинка окна растворилась...», «Не для льстивых этих риз, лживых ряс...», «Тише, хвала!..», «Лучина», «Никуда не уехали — ты да я...», «Тридцатая годовщина...», «Квиты: вами я объедена...», «Вскрыла жилы: неостановимо...», «Есть на карте место...», «Колыбельная», «Пепелище», «Германии», «Март», «Лес», «Не бесы — за иноком...».

Стихи, написанные до 1918 года, датированы по старому стилю. Несколькó стихотворений, даты написания которых не установлены, помечены датами первых публикаций (в квадратных скобках).

В подготовке сборника принимала участие А. С. Эфрон.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Генералам Двенадцатого года (стр. 32). Тучков-четвертый Александр Алексеевич (1777—1812) — генерал-майор, командир пехотной бригады, убитый в Бородинском сражении.

«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...» (стр. 57). У того, с которым Иаков стоял в ночи — то есть у бога, с которым, согласно библейской легенде, боролся ночью патриарх Иаков.

«Счастье или грусть...» (стр. 59). Гончарова Наталья Николаевна (1812—1863) — жена А. С. Пушкина, впоследствии вторично вышедшая замуж за генерала П. П. Ланского.

«Простите меня, мои горы!..» (стр. 76). В рукописи — помета: «Настоящая молитва солдата. Рассказ владимирской няньки Нади».

«Я берег покидал туманный Альбиона...» (стр. 96). Стихотворение посвящено Байрону, погибшему в борьбе за свободу Греции (Эллады). Альбион — Англия. Ада — дочь Байрона.

«Писала я на аспидной доске...» (стр. 112). Посвящено С. Я. Эфрону, мужу М. И. Цветаевой.

Марина (стр. 129). Басманов Петр Федорович — боярин и воевода, любимец Бориса Годунова и сына его Федора; начальствовал над войсками, отправленными против Лжедмитрия, но перешел на его сторону и до последнего часа защищал Самозванца и Марию Мнишек; 17 мая 1606 г. был убит вместе с Самозванцем.

Владимиру Маяковскому (стр. 133). 19 сентября 1921 г. в Политехническом музее состоялся творческий вечер В. В. Маяковского, называвшийся в афишах: «Дювлам» («Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского»). Стихотворение М. Цветаевой было

написано накануне — очевидно, в качестве приветствия В. Маяковскому. М. Цветаева познакомилась с Маяковским в январе 1918 г. Впоследствии она встречалась с ним в Париже, выступала в защиту его от нападок белоэмигрантов. Известно письмо М. Цветаевой к Маяковскому от 3 декабря 1928 г. (Париж): «Дорогой Маяковский! Знаете, чем кончилось мое приветствование Вас в «Евразии»? Изъятием меня из «Последних новостей», единственной газеты, где меня печатали... «Если бы она приветствовала только поэта Маяковского, но она в лице его приветствует новую Россию...» Вот Вам Милюков — вот Вам я — вот Вам Вы. Оцените взрывчатую силу Вашего имени...» (В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника, изд. 3-е, М. 1956, стр. 367. — Милюков был главным редактором газеты «Последние новости»). Маяковский в 1930 году включил это письмо М. Цветаевой в экспозицию своей выставки «Двадцать лет работы».

Рассвет на рельсах (стр. 149). *Сорок человек и восемь лошадей.* — В прежнее время такова была норма загрузки товарного вагона; она обозначалась на стенке вагона.

Рельсы (стр. 159). *Пушкинское: сколько их, куда их гонят!*... — намек на стихи Пушкина («Бесы»):

Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?

Рыцарь на мосту (стр. 161). Имеется в виду статуя легендарного чешского рыцаря Брунсвика, установленная в Праге возле Карлова моста через реку Влтаву. *Мостовина* — плата, взимавшаяся за право перехода или переезда через мост; этот старинный обычай сохранялся в Праге до недавнего времени.

Попытка ревности (стр. 165). *Лилит* — по древнееврейским преданиям, первая жена Адама.

Сон (стр. 168). *Сбирр* (итал.) — полицейский, сыщик. *Маргын Задека* — составитель популярного в свое время «сонника» (толкователя снов).

Плач матери по новобранцу (стр. 178). Отрывок из незавершенной поэмы «Егорушка».

Поэт и царь (стр. 181). *Нет, бил барабан перед смутным полком* — перефразированная строка из стихотворения ирландского поэта Чарльза Вольфа «На погребение английского генерала сира Джона Мура», которое в русском переводе И. И. Козлова (1825) стало популярной песней. *Умнейшего мужа России*. — После встречи с возвращенным из ссылки Пушкиным (8 сентября 1826 г.) Николай I, разыграв сцену «прощения» поэта, заявил в кругу придворных, что «сегодня разговаривал с умнейшим человеком в России».

Петр и Пушкин (стр. 183). *Кнастер* (нем.) — табак. *Петродиво* и *Петро-дело* — Петербург. *Василиск* — сказочный змей, убивавший взглядом.

Ода пешему ходу (стр. 187). *Скоропадских*. — Обыграна фамилия «гетмана» Скоропадского, действовавшего в годы гражданской войны на Украине. *Опера́* и *Мадлен* — центральные кварталы Парнжа, расположенные возле площади Оперы и церкви Мадлен.

Стол (стр. 200). *Штранд* (нем.) — морской берег, пляж.

Стихи к сыну (стр. 192). Сын Марины Цветаевой — Георгий Сергеевич Эфрон — вместе с нею в 1939 году вернулся в СССР; погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

Челюскинцы (стр. 208). *Нобиле* Умберто (р. 1885) — итальянский полярный исследователь. В 1928 г. предпринял экспедицию к Северному полюсу на дирижабле. Около Северного полюса дирижабль потерпел катастрофу; в спасении участников экспедиции принял участие советский ледокол «Красин». *Родили дитё...* — Во время плавания на «Челюскине» у одной из участниц экспедиции родился ребенок. *Второй уже Шмидт* — О. Ю. Шмидт (1891—1956) — советский ученый, академик. В 1933—1934 гг. возглавлял экспедицию на пароходе «Челюскин», сделавшую попытку пройти по Великому Северному морскому пути за одну навигацию. *«Первый» Шмидт* — лейтенант П. П. Шмидт (1867—1906) — революционер, один из руководителей Севастопольского восстания 1905 г.

«Напрасно глазом, как гвоздем...» (стр. 210). *Н. П. Гронский* (1909—1934) — молодой поэт, творчество которого М. Цветаева высоко ценила; погиб в результате несчастного случая. Стихотворение было напечатано в эмигрантском журнале «Современные записки» без пятой строфы, которую редакция исключила (как «кощунственную») без ведома М. Цветаевой.

Бузина (стр. 212). *Ростопчинский костер* — по имени гр. Ф. В. Ростопчина (1763—1826), московского военного губернатора, которого считали инициатором поджога Москвы после занятия ее французами в 1812 г.

Читатели газет (стр. 214). *Шварцев прах* — порох.

Пепелище (стр. 233). *Град Вацлава* — Прага (князь Вацлав, живший в X в., считался патроном Чехии и ее столицы). *Двухвостый львище* — геральдический лев, изображенный на чешском национальном гербе.

Б а р а б а н (стр. 234). *Градчанский замок* — пражский кремль.

Г е р м а н и и (стр. 235). *Наздар!* — по-чешски: здравствуй!

М а р т (стр. 236). *Тарпейская скала* — в Древнем Риме; с нее сбрасывали приговоренных к смерти. *Мартовские Иды* — день убийства Юлия Цезаря (15 марта 44 г. до н. э. по древнеримскому календарю).

В з я л и... (стр. 237). *Вары* — Карловы Вары.

Б и б л е й с к и й м о т и в (стр. 243). Перевод стихотворения классика еврейской поэзии Иццока Лейбуша Переца (1851—1915). Перевод был напечатан в мае 1941 г. (журнал «Знамя», № 5).

П О Э М Ы

П о э м а г о р ы (стр. 247). Впервые была напечатана в 1926 г. в Париже (журнал «Версты», № 1). *Персефоны зерно гранатовое.* — По древнегреческому сказанию, царица Персефона (дочь богини Деметры) была похищена богом подземного царства Плутоном. Чтобы вернуться на землю, она не должна была принимать никакой пищи. Однако, не выдержав жажды, она проглотила несколько зерен граната, который коварно предложил ей Плутон, и в наказание осуждена была ежегодно проводить шесть месяцев в подземном царстве. У древних греков Персефона символизировала смену времен года. *Агарь* — по библейскому преданию, рабыня-наложница патриарха Авраама, родившая ему сына Измаила. *Заповедь седьмая* (по Библии): «Не прелюбодействуй!»

Поэма конца (стр. 258). Впервые была напечатана в 1926 г. в Праге (альманах «Ковчег»). Сюжетно продолжает «Поэму горы». *Окно... «не от одной зари горящее»* — измененная цитата из стихов А. Блока («Кармен»). *Порошок Бертольда Шварца* — порох. *Как печатать на сердце твое, как перстень на руку твою* — цитата из «Песни песней» (библия). *Менады* — в Древней Греции участницы вакханалий, празднеств в честь Вакха (Диониса); надевали на себя звериные шкуры. *Голконда* — город в древней Индии, славившийся баснословными богатствами; синоним слова «сокровищница». *Мостовина* — плата за переход моста. *Иловищи* — сельская местность в окрестностях Праги.

СОДЕРЖАНИЕ

Вл. Орлов. Марина Цветаева	3
--------------------------------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Моим стихам, написанным так рано...»	27
«Идешь, на меня похожий...»	28
«Уж сколько их упало в эту бездну...»	30
Генералам Двенадцатого года («Вы, чьи широкие шинели...»)	32
Бабушке («Продолговатый и твердый овал...»)	35
«С большою нежностью — потому...»	37
«Посадила яблоньку...»	38
«Никто ничего не отнял...»	39
«Откуда такая нежность?..»	40
«Настанет день — печальный, говорят!..»	41
Из цикла «Стихи к Блоку»:	
1. «Имя твое — птица в руке...»	43
2. «У меня в Москве — купола горят...»	44
3. «Должно быть, за той рощей...»	45
4. «И тучи оводов вокруг равнодушных кляч...»	45
5. «Без зова, без слова...»	46

«Над городом, отвергнутым Петром...»	48
«Не отстать тебе. Я — острожник...»	49
«Белое солнце и низкие, низкие тучи...»	50
«Москва! — Какой огромный...»	51
Из цикла «Бессонница»:	
1. «В огромном городе моем — ночь...»	53
2. «Нынче я гость небесный...»	54
«Сегодня ночью я одна в ночи...»	55
«Черная как зрачок, как зрачок сосущая...»	56
«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»	57
«Красною кистью...»	58
«Счастье или грусть...»	59
«Вот опять окно...»	60
«Мировое началось во мгле кочевье...»	62
«Милые спутники, делившие с нами ночлег!..»	63
«Август — астры...»	65
Из цикла «Дон-Жуан»:	
1. «На заре морозной...»	66
2. «Долго на заре туманной...»	67
3. «И была у Дон-Жуана — шпага...»	68
Стенька Разин:	
1. «Ветры спать ушли — с золотой за- рей...»	69
2. «А над Волгой — ночь...»	69
3. «И снится Разину сон...»	71
Цыганская свадьба («Из-под копыт...»)	73
«Не самозванка — я пришла домой...»	75
«Простите меня, мои горы!..»	76
«В черном небе слова начертаны...»	77
«Благословляю ежедневный труд...»	78
«Полюбил богатый — бедную...»	79
«Я расскажу тебе — про великий обман...»	81

«Руки, которые не нужны...»	82
«Как правая и левая рука...»	83
«Я — страница твоему перу...»	84
«Доблесть и девственность! — Сей союз...»	85
«Стихи растут, как звезды и как розы...»	86
Из цикла «Стихи к дочери»:	
1. «Не знаю, где ты и где я...»	87
2. «Когда-нибудь, прелестное создание...»	88
«Что другим не нужно — несите мне!..»	90
Глаза («Привычные к степям — глаза...»)	91
«Чтобы помнил не часочек, не годок...»	93
Из цикла «Плащ»:	
1. «Я помню ночь на склоне ноября...»	95
2. «Я берег покидал туманный Альбиона...»	96
«Солнце — одно, а шагает по всем городам...»	98
Бабушка:	
1. «Когда я буду бабушкой...»	99
2. «А как бабушке...»	101
Тебе — через сто лет («К тебе, имеющему быть рожденным...»)	104
«Я счастлива жить образцово и просто...»	107
«У первой бабки — четыре сына...»	108
«Мой путь не лежит мимо дому — твоего...»	109
«На бренность бедную мою...»	111
«Писала я на аспидной доске...»	112
«Восхйщенной и восхищённой...»	113
«Одна половинка окна растворилась...»	114
Две песни:	
1. «И что тому костер остывший...»	115
2. «Вчера еще в глаза глядел...»	116
«Другие — с очами и с личиком светлым...»	119

«Проста моя осанка...»	120
«Было дружбой, стало службой...»	122
«Любовь! Любовь! И в судорогах и в гробе...»	124
Из цикла «Ученик»:	
1. «Быть мальчиком твоим светлого- вым...»	125
2. «Есть некий час—как сброшенная клажа...»	126
3. «По холмам — круглым и смуглым...» . . .	127
Первое солнце («О, первое солнце над первым лбом!..»)	128
Марина («Быть голубкой его орлиной!..») . . .	129
Из цикла «Отрок»:	
1. «Пустоты отроческих глаз! Провалы...»	131
2. «Виноградины тщетно в садах ржавели...»	132
Владимиру Маяковскому («Превыше крестов и труб...»)	133
Хвала Афродите:	
1. «Блаженны, дочерей твоих, Земля...» . . .	134
2. «Уже богов — не те уже щедроты...» . . .	134
3. «Тщетно, в ветвях заповедных кроюсь...»	135
4. «Сколько их, сколько их ест из рук...» . . .	135
«С такую силой в подбородок руку...» . . .	137
Молодость:	
1. «Молодость моя! Моя чужая...»	138
2. «Скоро уж из ласточек — в колдуньи!..»	139
«Не для льстивых этих риз, живых ряс...» . . .	140
Заводские:	
1. «Стоят в чернорабочей хмури...»	142
2. «Книгу вечности на людских устах...» . . .	143
Хвала богатым («И засим, упредив заране...») . . .	147
Рассвет на рельсах	149

Поэты:	
1. «Поэт — издалека заводит речь...» . . .	151
2. «Есть в мире лишние, добавочные...» . . .	152
3. «Что же мне делать, слепцу и пасынку...»	153
Поэма заставы («А покамест пустыня славы...») . . .	154
Занавес («Водопадами занавеса, как пеной...») . . .	157
Рельсы («В некой разлинованности нотной...») . . .	159
Рыцарь на мосту («Блédно-лйцый...»)	161
Поезд жизни («Не штык — так клык, так сугроб, так шквал...»)	163
Попытка ревности («Как живется вам с дру- гою...»)	165
Сон:	
1. «Врылась, забылась — и вот как с ты- сяче...»	168
2. «В мозгу ухаб пролèжан...»	169
Любовь («Ятаган? Огонь?..»)	171
Мольв («Емче органа и звонче бубна...»)	172
Жизни («Не возьмешь моего румянца...»)	174
«Русской ржи от меня поклон...»	175
«Тише, хвала!..»	176
Плач матери по новобранцу («Уж вы, баталь- оны...»)	178
Лучина («До Эйфелевой — рукою...»)	180
Поэт и царь:	
1. «Погусторонним...»	181
2. «Нет, бил барабан перед смутным пол- ком...»	182
Петр и Пушкин («Не флотом, не потом, не за- дом...»)	183
Ода пешему ходу («В век сплошных скоропад- ских...»)	187

Стихи к сыну:

1. «Ни к городу и ни к селу...»	192
2. «Наша совесть — не ваша совесть!..»	193
3. «Не быть тебе нулем...»	194
Родина («О неподатливый язык!..»)	197
Роландов рог («Как бедный шут о злом своем уродстве...»)	199

Из цикла «Стол»:

1. «Мой письменный верный стол!..» <1-е>	200
2. «Тридцатая годовщина...»	202
3. «Мой письменный верный стол!..» <2-е>	203
4. «Квиты: вами я объедена...»	203
«Вскрыла жилы: неостановимо...»	205
«Тоска по родине! Давно...»	206
Челюскинцы («Челюскинцы: звук...»)	208
«Напрасно глазом, как гвоздем...»	210
Бузина («Бузина цельный сад залила!..»)	212
Читатели газет («Ползет подземный змей...»)	214
«Никуда не уехали — ты да я...»	217
Дом («Лопушиный, ромашный...»)	219

Стихи сироте:

1. «Ледяная тиара гор...»	221
2. «Обнимаю тебя кругозором...»	222
3. «Могла бы — взяла бы...»	223
4. «На льдине...»	224
5. «Скороговоркой — ручья водой...»	225
6. «Наконец-то встретила...»	225

Стихи к Чехии

Из цикла «Сентябрь»:

1. «Есть на карте место...»	227
2. Один офицер («Чешский лесок...»)	228

Март:

1. Колыбельная («В оны дни певала дре- ма...»)	232
2. Пепелище («Налетевший на град Вацла- ва...»)	233
3. Барабан («По богемским городам...»)	234
4. Германи («О дева, всех румянее...»)	235
5. Март («Атлас — что колода карт...»)	236
6. Взяли... («Брали — скоро, и брали — щед- ро...»)	238
7. Лес («Видели, как рубят? Руб...»)	238
8. «О слезы на глазах!..»	239
9. «Не бесы — за иноком...»	240
10. Народ («Его и пуля не берет...»)	240
11. «Не умрешь, народ!..»	241
Библейский мотив (Из Иццока Переца) («Кра- дется к городу впотьмах...»)	243

П О Э М Ы

Поэма горы	247
Поэма конца	258
Примечания	289

Марина Ивановна Цветаева

Избранное

Редакторы А. Козловский и А. Саакянц

Художеств. редактор И. Жихарев

Технический редактор М. Позднякова

Корректор В. Брагина

•

Сдано в набор 14/VI 1961 г.

Подписано к печати 5/IX 1961 г. А08709

Бумага 70×108¹/₃₂—9,5 печ. л.=13,02 усл.

печ. л. 8,17 уч.-изд.+1 вклейка=8,21 л.

Тираж 25 000. Цена 52 коп.

Гослитиздат

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

•

Московская типография № 8

Управления полиграфической промышленности

Мосгорсовнархоза

Москва, 1-й Рижский пер., 2

52к.